Годъ двѣнадцатый. № 279. Среда, 25 декабря 1896 года. № 279. Годъ двѣнадцатый

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Выходитъ въ Томскѣ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

Отдѣльные №№ 5 к. ТЕЛЕФОНЪ РЕДАКЦІИ И ТИПОГРАФІИ № 5. Отдѣльные №№ 5 к.

Годъ изданія тридцатый. Адресъ редакціи: Томскъ, Почтовая пер., домъ Ф. Х. Пушниковой, для пріема рукописей и личныхъ объясненій отдѣлъ и сам жежно проси праздниковъ, отъ 10 до 2 ч. дня и съ 5 до 7 час. вечера, рукописи должны быть подписываемы съ полнымъ именемъ; редакція оставляетъ за собой право изъ сокращать неподходящія по своему усмотрѣнію. Статьи, корреспонденціи, замѣтки и пр., присланныя для печатанія, считаются безплатными, если о платѣ за нихъ не состоялось точного и окончательнаго соглашенія съ редакціей.

Въ изданіе принимаются рукописи для редакціи на обязательномъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годъ 9 р., 6 мѣсяцевъ 4 р. 50 коп., 3 мѣс. 2 р. 25 коп., 1 мѣс. 75 к., съ доставкою и пересылкою.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: 10 к. строка петита или занимаемое имъ послѣ текста, повторн.—20 к. За объявленія, печатаемыя болѣе чѣмъ одинъ разъ, дѣлается скидка отъ 10 до 50 проц. Объявленія лицъ нижнихъ чиновъ, учащихъ, прислуги, отъ 50 проц. Въ текстѣ газеты напечатаны, помѣщаются или совершенно особо: част. лиц.—1 р. строка петита, или вмѣсто отъ газетныхъ на разсылку отдѣльныхъ объявленій при газетѣ—10 р. за 1000 экзем. Пріемъ объявленій принимаетъ въ конторѣ редакціи, ежедневно, кромѣ дней праздниковъ.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учрежденій, живущихъ или имѣющихъ главныя конторы или правленія внѣ Пермской губерніи и Сибири, принимаются исключительно только въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Спиридонова, въ его отдѣленіи въ С. Петербургѣ, на Большой Морской, № 11, печатаются по 15 коп. за строку петита позади текста; на первой страницѣ цѣна двойная.

ВЪ ТОМСКѢ ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ТОЛЬКО ВЪ КОНТОРѢ „СИБИРСКАГО ВѢСТНИКА“.

БѢГА

на ипподромѣ Томскаго Общества охотниковъ конскаго бѣга

назначены въ воскресенье, 29 декабря.

Начало бѣга въ 1 часъ дня.

1) Призъ Общества 125 руб. для лошадей, рожденныхъ въ 1892 году, бѣжать въ рядъ по двѣ лошади. Дистанція 1 вер. 254 саж.

2) Призъ Общества 100 р. для лошадей, рожденныхъ не моложе 1892 г., бѣжать въ рядъ по двѣ лошади. Дистанція 3 вер. 8 саж.

3) Призъ Общества 60 р. для иноходцевъ въ парахъ, по 2 пары въ рядъ. Дистанція 3 вер. 8 саж.

4) Призъ Общества 50 р. для скаковыхъ лошадей простой сибирской породы. Дистанція 3 вер. 8 саж.

Записка лошадей наканунѣ бѣговъ, въ субботу, съ 10 до 12 час. дня.

Гг. члены благоволятъ имѣть при себѣ билеты. Слѣдующіе бѣга будутъ происходить 12 января и 9 февраля 1897 г.

Въ бесѣдкѣ ипподрома имѣется буфетъ съ крѣпкими напитками.

№ 1360. 2—3.

ВЪ МАГАЗИНѢ

Торговаго Дома Потомственныхъ Почетныхъ Гражданъ

„Бр. ЗЛОКАЗОВЫХЪ“,

въ городѣ Томскѣ (Гостиный дворъ, противъ церкви Благовѣщенія Господня).

ПРОДАЖА

трико, твина, бобрика, шевіота, пледовъ, одѣялъ и сукна разныхъ сортовъ изъ верблюжьей шерсти собственныхъ фабрикъ.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

№ 1159. (39).

„ЭКСЦЕЛЬСІОРЪ“

шампанское

Высочайше утвержденнаго Товарищества Винодѣлія въ Одессѣ.

ПОСТАВЩИКИ ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ РУМЫНІИ

Золотая медаль Ниж.-Новгород. 1896 г. Высшая награда почетный дипломъ Варшава 1896 г.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

№ 1352 3—26

Телеф. № 110. Телеф. № 190

РЕСТОРАНЪ „РОССІЯ“

МЕНЮ

ОБѢДА

На 25 декабря.

1) Супъ шампиньонъ, или консомэ изъ пяти, пирожки стружки,
2) Поте-фуръ,
3) Филе пассеръ,
4) Жаркое: рабчики, салатъ лешки,
5) Кофе по вспышкѣ.

На 26 декабря.

1) Супъ пере-лаплатъ, или консомэ борщокъ, пирожки разные,
2) Индѣйка фаршированная каштанъ,
3) Сторджъ соусъ тонкій,
4) Бифштексъ гракіе мотръ-отель,
5) Галекъ пивная.

На 27 декабря.

1) Щи лѣнивыя съ натрушкой, супъ вольеръ,
2) Кроликъ въ рабчикѣ,
3) Лишетъ изъ телятины,
4) Жаркое: капусуъ, салатъ, огурцы,
5) Бисквитъ со сливками.

На 28 декабря.

1) Супъ вельеръ, или консомэ балтинской, пирожки расолъ,
2) Осетрина рояльтъ,
3) Плонъ изъ дуръ,
4) Жаркое: телятина, салатъ брусники,
5) Пломборъ съ фруктами.

Обѣды продолжаются отъ 2 ч. дня до 6-ти вечера.

Обѣды отпускаются въ ресторанѣ и на домъ—по-мѣсячно; принадлежности исключенныя заказы съ полной сервировкой и внѣ ресторана. При ресторанѣ имѣются отдѣльные кабинеты; газеты: биржевыя, газеты русскія и иностранныя; номера для гг. проѣзжающихъ отъ 75 коп. до 3 р. Освѣщеніе электрическое.

ПРОДАЖА СВИНЦА.

Главное Управленіе Алтайскаго округа объявляетъ, что въ Барнаульскомъ и Змѣевскомъ упраздненныхъ заводахъ продается свинецъ по 2 руб. 25 коп. за пудъ. Желающіе купить свинецъ должны обращаться:

Въ Барнаулѣ: къ смотрителю упраздненнаго Барнаульскаго завода.

Въ Змѣиногорскѣ: къ управляющему змѣевскою электролитическаго фабрикою.

Помощникъ Начальника округа

3—10. **Л. Мартинъ.**

ТЕАТРЪ Е. И. КОРОЛЕВА.

РЕПЕРТУАРЪ НА СВЯТКИ.

ВЪ СРЕДУ, 25 ДЕКАБРЯ

ЕЛКА ДЛЯ ДѢТЕЙ

съ пѣніемъ, играми и танцами. На елкѣ состоялись: гора для катанья дѣтей, живая карусель: 1) Ангелъ подарокъ 2) Наша-проходчикъ на коврѣ самолетѣ. 3) Игра въ мячики. Дивертисментъ.

Начало елки въ 7 час. Съ 10 час. ТАНЦЫ для взрослыхъ

ВЪ ЧЕТВЕРГЪ, 26 ДЕКАБРЯ,

Утренній общедоступный спектакль по уменьшенныхъ цѣнамъ.

НЕДОРОСЛЬ,

ком. въ 5 дѣйст. соч. Фонъ-Визина.

ВЕЧЕРОМЪ:

ЧАРОДѢЙКА

(Нижегородское преданіе).

Трагедія въ 5 дѣйств., соч. Шпинделевъ. По окончаніи спектакля состоится

—МАСКАРАДЪ—

ВЪ ПЯТНИЦУ, 27 ДЕКАБРЯ.

Дѣтскій утренній спектакль по уменьшенной цѣнѣ

трупою Лиллипутовъ (дѣтей)

представятъ пьесы:

Жоко бразильская обезьяна.

Мелодр. въ 3 дѣйств.—и

ШКОЛЬНАЯ ПАРА.

Комед. въ 1 дѣйст.

Вечерній спектакль

ГОРНОЗАВОДЧИКЪ.

Ком. въ 4 дѣйствіяхъ.—и

СУМАСШЕДШАЯ АКТРИСА.

ФЕЛЬЕТОНЪ „СИБИРСКАГО ВѢСТНИКА“.

Какъ онѣ любятъ.

Разсказъ Макса Нордау.

(Переводъ.)

Это было 1-го ноября 1878 г. Всемірная Парижская выставка закрылась, и Рудольфъ Вельтли, пробывъ недѣля дѣй на берегахъ Сены, собрался уже ѣхать назадъ домой, въ Швейцарію. Цѣлью его пріѣзда сюда былъ великій базаръ на Марсовомъ полѣ, но, по прибытіи въ Парижъ, выставка, которая для него, какъ для инженера, должна была быть особенно интересной, не отняла у него слишкомъ много времени. Но цѣлымъ днямъ онъ только то и дѣлалъ, что гулялъ по улицамъ, бродилъ по окрестностямъ города, посѣщалъ музеи, однимъ словомъ, безпрестанно путешествовалъ по всѣмъ мѣстамъ, которыя двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, были театромъ его студенческой жизни и съ которыми были связаны его самыя дорогія воспоминанія.

Четверть вѣка—вѣдь, это почти цѣлая жизнь! Такъ давно онъ уже не былъ въ Парижѣ. А между тѣмъ, покидая тогда этотъ городъ, онъ ужелъ съ намѣреніемъ поскорѣе возвратиться сюда. Но обстоятельства сложились такъ, что не позволили ему привести въ исполненіе этотъ планъ. Цѣпи долга задержали его, и только въ мечтахъ онъ позволялъ себѣ возвращаться на минуту подъ прекрасное, голубое небо, столь далекое и столь знакомое.

Когда бываютъ первый разъ въ Римѣ, то обыкновенно бросаютъ монету въ бассейнъ Треви, чтобы быть увѣренными, что еще разъ вернешься въ этотъ вѣчный городъ. Но въ Парижѣ не нужно прибѣгать къ подобнымъ магическимъ средствамъ. Его притягательная сила такъ велика, что всякій выбывшій изъ него до тѣхъ поръ не знаетъ покоя, пока не возвратится въ него опять. Но зачѣмъ приписывать такую магическую силу одному только Парижу? Эта сила разлита повсюду, гдѣ мы только провели молодость, любили, мечтали, страдали. Къ каждому такому уголку мы питаемъ нѣжное чувство пахаря къ нивѣ, которой онъ довѣрилъ свой посѣвъ, и мы чувствуемъ потребность увѣриться, сохранилось ли еще въ немъ слѣды нашего пребыванія и удивляемся, когда повсюду, гдѣ была посѣвна наша юность, все наше лучшее, открывается передъ нами богатая жатва воспоминаній, неизвѣстная для другихъ, но весьма трогательная для насъ самихъ.

Каждый годъ Рудольфъ строилъ планъ путешествія въ Парижъ, но всякій разъ обстоятельства заставляли его откладывать эту поѣздку до будущаго года. И онъ началъ уже, было, примиряться со своей участью, какъ вдругъ въ выставка 1878 г. доставила ему предлогъ для осуществленія его давнишней мечты.

Столь долго желанныя каникулы недѣли отпуска пролетѣли быстро, какъ сновидѣніе и вотъ настаетъ, наконецъ, послѣдній день его пребыванія въ Парижѣ. Подобно большинству парижанъ, онъ рѣшилъ его провести посѣщеніемъ кладбищъ. Первые послѣобѣденные часы онъ провелъ на кладбищѣ Père Lachaise, гдѣ возлѣ знакомыхъ ему еще со студенческихъ дней могилъ, онъ открылъ новыя могилы знаменитостей, Мишле и многихъ другихъ знаменитостей. Обозрѣвъ ихъ съ живымъ интересомъ, онъ отправился затѣмъ на Монмартрское кладбище, чтобы положить здѣсь вѣнокъ изъ immortelet на могилу Гейне. Но, прибывъ сюда онъ не могъ уйти, не сдѣлавъ болѣе подробнаго осмотра. Онъ медленно бродилъ по аллеямъ, гдѣ между могильными плитами и простыми желѣзными крестами, то тамъ, то здѣсь, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, виднѣлись пышные памятники, съ вырѣзанными на фронтонѣ громкими именами; многія могилы въ этотъ день, посвященный поминовенію умершихъ, были украшены заботливой рукой живущихъ. Дорожки желтѣли отъ свѣже насыпанныхъ песка, а вокругъ могильныхъ плитъ и крестовъ, на которыхъ красовались вѣнки изъ живыхъ и искусственныхъ цвѣтовъ, виднѣлись горшки съ цвѣтами. Но, рядомъ съ такими могилами, виднѣлось и великое множество совсѣмъ заброшенныхъ и забытыхъ, въ которыхъ почивали неизвѣстные покойники, которыхъ никто не оплакивалъ уже больше на землѣ и никто не помнитъ. Какъ быстро люди забываются въ Парижѣ! Какъ быстро оцвѣтъ столица поглощаетъ не только одного человѣка, но и его семью, друзей, знакомыхъ, и даже воспоминаніе о немъ. Рудольфъ почувствовалъ, какъ при этихъ мрачныхъ могилахъ непріятная дрожь пробѣжала у него по спинѣ.

Слѣдуя безцѣльно за увлекавшимъ его потокомъ толпы, онъ вдругъ очутился у могилы, вокругъ которой особенно тѣснилась публика, состоявшая большею частью изъ рабочихъ и ихъ женъ. Вновь подошедшіе просовывали головы за плечи стоявшихъ впереди и съ нетерпѣніемъ старались отъѣсть ихъ, но тѣ, подъ впечатлѣніемъ приковывающаго къ себѣ памятника, казалось, приросли къ землѣ,—до того неподвижно стояли они. Между тѣмъ, во всей этой группѣ людей чувствовалось что то торжественное, молитвенное, что не часто удается замѣтить даже въ церкви въ толпѣ вѣрующихъ. Охваченный любопытствомъ, Рудольфъ пробился впередъ и внезапно очутился передъ могилою республиканца Бодэна, этого народнаго представителя, который 3 декабря 1850 г. былъ разстрѣянъ пьяными солдатами на улицѣ, въ моментъ, когда онъ, подпоясанный трехцвѣтнымъ шарфомъ, съ высоты баррикады протестовалъ противъ переворота, произведеннаго Бонапартомъ.

Взглянувъ на величественный памятникъ, Рудольфъ испыталъ впечатлѣніе, которое тотъ производитъ на всякаго зрителя. Бронзовая статуя Бодэна лежитъ на каменномъ пьедесталѣ, до половины задраппированной знаменемъ. Лѣвая рука повисла неподвижно, правая-же судорожно схватывается символическую доску закона, раскалотую злодѣйской рукой. Лицо человѣка среднихъ лѣтъ не представляетъ ничего выдающагося; усы и подбородокъ—бритые, бакенбарды—обыкновенные. Но эта ординарная фигура кажется великой и героической, благодаря ужасной дырѣ на лбу, изъ которой сочится кровь и мозгъ. О, какъ такая дыра отъ пули, убивающей свободу, измѣняетъ лицо человѣка! Кажется, какъ будто изъ этого трагическаго отверстія исходитъ сверхъестественный свѣтъ, на который нельзя глядѣть безъ слезъ.

Передъ этимъ поражающимъ памятникомъ Рудольфъ испыталъ гораздо болѣе сильное волненіе, чѣмъ всякій другой изъ окружающихъ, потому что онъ вспоминалъ, сколь малаго когда-то не хватило, чтобы и его постигла таже участь, что и этого человѣка, къ памятнику котораго его привелъ случай. И направившись къ выходу изъ кладбища, онъ вдругъ увидѣлъ себя въ мысляхъ, въ эти страшныя ночи 3 и 4 декабря, кулающимся въ собственной крови, безъ чувствъ, на сыромъ тротуарѣ Монмартрской улицы, съ пулею на правомъ бедрѣ. Воспоминаніе было на столько живое, что онъ какъ будто снова почувствовалъ боль отъ раны и невольно началъ прихрамывать. Въ широкой аллеѣ, ведущей къ выходу, онъ увидѣлъ новые памятники, которые еще болѣе усилили интенсивность воспоминаній, вызванныхъ памятникомъ Бодэна.

Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣтилъ могилу Кавеньяка, потомъ дальше большую общую могилу, въ которой была погребена кровавая груда безымянныхъ жертвъ уличныхъ баталій. Этотъ кровавый уголъ былъ окруженъ гирландами изъ цвѣтовъ; посрединѣ, на возвышеніи, стоялъ простой желѣзный крестъ. Рудольфъ вошелъ въ этотъ грустный кругъ и подошелъ къ самому кресту. Странное ощущеніе овладѣло имъ. Ему казалось, что онъ находится въ магическомъ кругѣ, который отдѣлилъ его отъ міра и жизни. Даже самый воздухъ въ этомъ мѣстѣ показался ему болѣе холоднымъ чѣмъ въ другихъ уголахъ кладбища, и ему чудилось, что подъ ногами, въ землѣ, онъ слышитъ какое-то движеніе или сотрясеніе, какъ будто мертвые своими костлявыми пальцами царапали прикрывающую ихъ плиту.

— И я былъ-бы теперь здѣсь вмѣстѣ съ ними, еслибъ пули тогда вѣрнѣе угадала въ меня. Онъ глубоко вздохнулъ и повернулся. У подножья креста лежала цѣлая группа букетовъ. Женщины, собравшіяся здѣсь въ довольно значительномъ числѣ, на колѣнахъ тихо шептали молитвы.

— А! и по прошествіи двадцати семи лѣтъ, находятся люди, которые помнятъ этихъ покойниковъ. Но никто не пришелъ-бы сюда ради меня, еслибъ я лежалъ здѣсь.

Онъ стоялъ возлѣ какой-то колѣнопреклоненной женщины и его глаза невольно съ состраданіемъ останавливались на ней.

Она была въ траурѣ и казалось совершенно погруженной въ молитву. Густая черная вуаль закрывала ея лицо. Но почувствовавъ на себѣ непривычный взглядъ, она машинально подняла голову. Глаза ея встрѣтились. Изъ ея устъ вырвался подавленный крикъ, какъ будто кто-то душитъ ее, и она со страшнымъ волненіемъ подалась назадъ. Безсознательно протянувъ къ нему руки, почти безъ чувствъ, она прошептала поблѣднѣвшими устами: Рудольфъ! Рудольфъ!

При первомъ ея крикѣ, онъ невольно, отъ неожиданности сдѣлалъ шагъ назадъ, но затѣмъ поддержалъ готовую упасть женщину и, притянувъ ее къ себѣ на грудь, чуть внятно вымолвилъ:

— Паулина! Возможно-ли! Паулина!

Она выпрямилась, шатаясь, и положивъ свои руки на его плечи, широко открытыми глазами глядѣла на него.

— Ты, Рудольфъ? Ты живъ?!..

— А ты думала, что я умеръ? Спросилъ онъ нерѣшительно, опуская голову.

— Я думала, что ты погребенъ здѣсь, отвѣтила она, пальцемъ показывая на могильную плиту.

— И ты пришла сегодня.....

— Ради тебя, Рудольфъ, сегодня какъ каждый годъ въ этотъ день, въ продолженіи двадцати семи лѣтъ.- Смотри, Рудольфъ, этотъ вѣнокъ я принесла для тебя. И когда я увидѣла тебя передъ собой, мнѣ показалось, что ты всталъ изъ этой могилы, чтобы еще разъ увидѣть меня.

Она на нѣсколько мгновеній замолчала, не сводя съ него ласкающаго взгляда.

— А знаешь, что меня убѣдило, что ты не призракъ? Это то, что ты вовсе не такой, какимъ ты былъ тогда, когда тебя похоронили бы здѣсь, еслибъ ты былъ убитъ. Мертвые не перемѣняются. Но ты, мой бѣдный Рудольфъ, ты очень измѣнился.

— А! Ты находишь во мнѣ перемѣну!

Она поглядѣла на него долгимъ взглядомъ. Глаза ея скользнули по его лицу, таліи, вообще по всей его фигурѣ и, наконецъ, она прошептала какъ бы про себя.

— Нѣтъ, небольшую, совсѣмъ небольшую.

Одна только она въ цѣломъ мірѣ могла сказать эти слова, одна только она нашла въ немъ черты молодого человѣка, подобно тому какъ опытный глазъ разбираетъ въ стертой рукописи уже почти сдѣлавшіяся невидимыми слова. Для нея у него были все тѣ-же густые черные волосы вмѣсто теперешнихъ рѣдкихъ и уже сѣдѣющихъ; его теперешніе жесткіе усы оставались по прежнему все еще мягкими; пожелтѣвшее лицо все еще не потеряло юношеской свѣжести. Она видѣла въ стоявшемъ передъ нею пятидесятилѣтнемъ мужчинѣ его прежній образъ, который сохранился въ ея памяти и сдѣлался еще болѣе прекраснымъ.

Онъ испытывалъ точно такую-же иллюзію. Ея расплывшіяся черты и контуры щекъ, шеи, подбородка, груди, какъ будто принили прежнія граціозныя очертанія, которыя онъ такъ любилъ; глаза, потускнѣвшіе отъ горя загорѣли прежнимъ веселымъ огонькомъ молодости, и въ женщинѣ, уже постарѣвшей, онъ по прежнему восхищался теперь очаровательной свѣжестью девятнадцатилѣтней дѣвушки.

Разглядывая его, она совсѣмъ оправилась отъ смущенія, и голосъ ея дрожалъ совсѣмъ уже почти незамѣтно, когда она спросила.

— Но разскажи же мнѣ, ради Бога, какъ это все произошло. Нашъ консьержъ видѣлъ, какъ ты упалъ на улицѣ и тебя унесли.

— Онъ сказалъ правду.

— Значитъ, ты не былъ разстрѣлянъ?

— Нѣтъ, только раненъ.

— А!.. А потомъ...

— Ты мои мнѣ, какъ я съ тобой разстался. Я вышелъ словно сумасшедшій, безъ шапки, внѣ себя. Монмартрская улица была совсѣмъ пустынной, вдали слышалась барабанная дробь—это шли съ бульваровъ солдаты.

Нѣсколько человѣкъ бѣгомъ обогнали меня, ища укрытія въ боковыхъ улицахъ. Я не успѣлъ еще дать себѣ отчета въ томъ, что происходило вокругъ меня, какъ вдругъ раздались выстрѣлы, и я почувствовалъ острую боль въ бедрѣ и упалъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня упалъ еще кто кто то съ тѣмъ, чтобы больше не встать. Между тѣмъ, солдаты съ фонарями и факелами были уже совсѣмъ близко. Они бросились сперва къ тому другому раненому. Огни приблизились къ его лицу. Затѣмъ раздались крики, и я увидѣлъ, какъ къ него вонзилось нѣсколько штыковъ. Потомъ они подошли ко мнѣ. Я невольно протянулъ руки, чтобы защитить свою грудь отъ направленныхъ въ нее штыковъ, какъ вдругъ офицеръ скомандовалъ: „стой!“ Онъ спросилъ— кто я. Быстро, насколько это позволялъ мнѣ смертельный страхъ, я объяснилъ ему, что я швейцарецъ, что я воспитанникъ Ecole centrale, живу въ Пассажѣ Сомонъ, на улицу вышелъ случайно и здѣсь же ранѣнъ. Офицеръ посмотрѣлъ на мои руки. Но нихъ, конечно, не было и слѣда пороха. Потомъ онъ осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ я упалъ—вокругъ меня не было никакого оружія.

— А гдѣ же ваша пушка? спросилъ офицеръ.

— На мнѣ ея не было, когда я вышелъ.

— Это подозрительно, сказалъ онъ.

Подумавъ минуту, онъ велѣлъ положить меня въ стоявшую неподалеку и покинутую какимъ то торговцемъ телѣгу и препроводить въ госпиталь.

Онъ замолчалъ. А она все глядѣла на него глазами, полными слезъ.

— О, еслибъ я могла передать тебѣ все, что я перенесла въ эту ночь. Едва ты вышелъ, какъ вдругъ вбѣжалъ консьержъ съ крикомъ „m-lle Paulina, m-lle Paulina, mosie. Рудольфа разстрѣляли и увезли“. Я хотѣла выбѣжать на улицу, но онъ меня задержалъ, хотѣла выброситься въ окно, но онъ мнѣ помѣшалъ. Я должна была ждать разсвѣта и чуть свѣтъ побѣжала въ моргъ, потомъ на кладбище, побывала повсюду, гдѣ только были трупы. Я ихъ видѣла много, очень много, но тебя не нашла.

Когда она говорила это, губы ея совсѣмъ побѣлѣли, глаза вплли. Онъ притянулъ ее къ себѣ, и она безсознательно склонила голову на плечо своего прежняго милаго.

— Я была убѣждена, что ты умеръ, продолжала она, я что тебя бросили въ эту общую могилу. Кого я только ни спрашивала, всѣ это мнѣ говорили. А отъ тебя, между тѣмъ, не было никакихъ извѣстій. Почему это ты молчалъ? Ты не могъ? Ты былъ безъ сознанія?...

— И то, и другое, дитя мое. Нѣсколько

Digital Library (repository of Tomsk State University)
http://vital.lib.tsu.ru

Съ 10 января 1897 года сдается помѣщеніе магазина въ домѣ мѣщанскаго общества, гдѣ нынѣ находится магазинъ Фильберта. Объ условіяхъ обращаться въ магазинъ Фильберта. (5).

№ 361.

ПЕРВЫЙ КУРЛЯНДСКІЙ ЦИРКЪ

Н. К. БОРОВСКАГО.

26 и 27 декабря даны будутъ дневныя и вечерняя празднечныя представленія. Начало дневныхъ въ 2 ч. дня, вечернихъ въ 8 ч. вечера. 28 въ субботу большое блестящее представленіе и борьба между гг. Елисѣевымъ и Ивановымъ.

Начало представленія въ 8 час. вечера.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мѣсяцесловъ. Телеграммы.
Тоже, 25 декабря.
Отвѣтъ редакціи.
Стих. въ Рождественскую ночь.
Изъ ближняго прошлаго.
Мѣстная хроника.
Среди книгъ и журналовъ.
Объявленія.
Фельетонъ: 1) Какъ онъ любитъ. 2) Безпечные люди.

МѢСЯЦЕСЛОВЪ.

Среда, 25 декабря.
Рожд. Господа нашего Іисуса Христа.
Четверг, 26 декабря.
Соборъ Пресв. Богород. Сѵріцѣ. Евѳимія, вел. сарпійск. Преп. Евариста и Константина.
Пятница, 27 декабря.
Св. ап. первомч. и архид. Стефана. Прп. Ѳеодора Студит. Св. Ѳеодора, арх. конст.
Суббота, 28 декабря.
Мчч. Зинона, Дороѳея, Гавѳирія, Ѳеофила, Конанія, Петра, Мардонія, Мнѳтонія, Иадиса, Горгонія, Агаѳія, Домны, Ѳеофила. Св. ап. Никанора.

По случаю праздниковъ, слѣдующій № выйдетъ въ воскресенье 29 декабря, 28-го же декабря будутъ выпущены телеграммы „Россійскаго Агентства".

ТЕЛЕГРАММЫ
(РОССІЙСКАГО ТЕЛЕГРАФНАГО АГЕНТСТВА).

Петербургъ, 22 декабря. Высочайшій рескриптъ на имя московскаго генералъ-губернатора, Великаго Князя Сергѣя Александровича: „Вашъ Императорское Высочество! Ознакомившись изъ Вашаго доклада съ количествомъ поступившихъ пожертвованій на возведеніе въ Москвѣ памятника въ Возѣ почившему родителю моему, Императору Александру Александровичу, Я признаю благовѣреннѣйшимъ нынѣ же приступить къ предварительнымъ работамъ по изготовленію проектовъ памятника, согласно даннымъ Мною указаніямъ; горячо принимая къ сердцу всенародное желаніе увѣковѣчить въ назиданіе потомству священный образъ Великаго Монарха, Я утѣшаюсь мыслью, что ближайшее руководство къ выполненію Моей воли возлагается на Ваше Императорское Высочество, какъ московскаго генералъ-губернатора; вспоминая, съ какой любовью и довѣріемъ Мой незабвенный отецъ призвалъ Васъ къ высшему управленію первопрестольной столицей и зная Вашу безграничную преданность высокимъ завѣтамъ почившаго, Я твердо уповаю, что подъ просвѣщеннымъ руководствомъ Вашего Императорскаго Высочества, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Москва, а съ нею и вся Россія возрадуются сознанію исполненнаго долга благодарности тому, кто всѣ свои силы положилъ на служеніе отечеству. Пребываю къ Вашему Императорскому Высочеству навсегда неизмѣнно благосклоннымъ. Сердечно любящій Васъ племянникъ Николай". Означенный рескриптъ передается днемъ позже, по независящимъ отъ Агентства обстоятельствамъ.

Одесса. Возвратившіеся изъ Абиссиніи санитарный отрядъ Краснаго Креста, подъ начальствомъ генерала Шведова, въѣхалъ 21 декабря въ Петербургъ.

Константинополь. Леонтьевъ и секретарь Мещелиса Ато Іосифъ вручили во время аудіенціи султану пожалованный ему Мещелиской орденъ Печати Соломона и письмо негуса.

— 20 декабря 5000 софтъ отправлены на родину, на счетъ султана; за ними слѣдуетъ еще нѣсколько тысячъ; подобная отправка совершается ежегодно, но въ этомъ году большее число софтъ отправлено насильственно, такъ такъ на время ранзаиа опасаются противоправительственныхъ демонстрацій.

Вѣна. Сообщаютъ, что Станчевъ уполномоченъ начать съ русскимъ правительствомъ переговоры о торговомъ трактатѣ.

Софія. Проектъ закона, устанавливающаго для наема изъ иностранныхъ государствъ 14 процентовъ принять въ первомъ чтеніи; этимъ же проектомъ предположено уменьшеніе акциза съ алкоголя до 30 фр., вмѣсто нынѣшнихъ 70; наконецъ, министръ торговли представитъ контракты, заключенные съ концессіонерами жел. дорогъ: Рущукъ—Новая Загора и Зарембей—Новая Загора, которые должны быть утверждены палатой; по этому предмету завязались оживленныя пренія; собраніе отложено до 15 января.

— 21 декабря. Въ засѣданіи палаты сообщенъ указъ о полной амнистіи офицеровъ, эмигрировавшихъ въ Россію и находящихся на службѣ въ русской арміи *(оживленныя одобренія)*; военный министръ вноситъ законопроектъ, устанавливающій: 1) чтобы офицеры, которые послѣ событія 8 сентября 1886 покинули болгарскую армію и вступили на службу въ русскую армію, получили пенсію согласно закону о военныхъ пенсіяхъ, 2) чтобы время проведенное этими офицерами въ русской арміи, причтено было ко времени служенія ихъ въ болгарской арміи, 3) чтобы право на пенсію предоставлено было только тѣмъ, кто прослужилъ по меньшей мѣрѣ десять лѣтъ въ обѣихъ арміяхъ вмѣстѣ, 4-й пунктъ перечисляетъ соотвѣтственныя статьи закона о пенсіяхъ и предлагаетъ назначить подпоручикамъ пенсію полковыхъ командировъ, подполковникамъ и маіорамъ—пенсію баталіонныхъ командировъ, капитанамъ—пенсію ротныхъ командировъ и поручикамъ и подпоручикамъ—пенсію субалтернъ-офицеровъ, 5) офицеры, которые по изданіи настоящаго закона вступятъ на службу въ иностранныя арміи, лишаются правъ, предоставленныхъ этимъ законамъ.

Стокгольмъ. Нобель завѣщалъ, чтобы изъ капитала, который будетъ реализированъ, составленъ былъ фондъ, проценты коего ежегодно должны быть дѣлимы на пять частей, а всѣ онѣ должны быть выдаваемы въ видѣ премій: одна за важнѣйшія открытія и изобрѣтенія въ области физики, другая за важнѣйшія открытія и улучшенія, третья за важнѣйшія открытія въ области физіологіи и медицины, четвертая за лучшія научныя произведенія, пятая за наибольшую и за наилучшую дѣятельность въ пользу мира. Преміи должны быть выдаваемы скандинавцамъ и не скандинавцамъ; фондъ, по отчисленіи суммъ, завѣщанныхъ отдѣльнымъ лицамъ, составили по слухамъ, 35 милліоновъ кронъ.

Томскъ, 25 декабря.

Ни одна изъ многочисленныхъ реформъ Царя-Освободителя, кромѣ уничтоженія крѣпостного права, не встрѣчала такого горячаго и всеобщаго сочувствія, какъ реформа судебная, ни одна не имѣла такихъ многочисленныхъ и непримиримыхъ враговъ. Первые слухи о ней вызвали восторженныя ликованія. Вотъ что писалъ, напримѣръ, нѣкто Полоцкевъ въ 1861 году на страницахъ „Русскаго Вѣстника": „нельзя оспаривать превосходства суда присяжныхъ передъ всякимъ другимъ судопроизводствомъ; нельзя не оцѣнить несовершенства нашихъ судебныхъ учрежденій; нельзя не согласиться, что именно отсутствіе гласности и формализмъ составляютъ ихъ существенный недостатокъ. Не отставали отъ московскихъ органовъ и петербургскіе. Когда-же, въ 1862 году, были обнародованы основныя положенія судебной реформы, объявленныя Россіи судъ присяжныхъ, то ликованія усилились и печать единогласно объявила нашъ жребій завиднымъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ и общественное настроеніе рѣзко измѣнилось: стихли клики восторга и смѣнились злыми порицаніями новой реформы. Органы, такъ хорошо защищавшіе ее раньше, теперь старательно выискивали одни только промахи и ошибки, сочиняя ихъ тамъ, гдѣ ихъ недоставало; всякая исправимая и здобаовко, еще спорная погрѣшность вмѣнилась чуть не въ преступленіе; малѣйшая исправимость — въ отъявленную неспособность. Все, что было сдѣлано безукоризненнаго, честнаго, дѣльнаго, того не хотѣли ни знать, ни вѣдать, о томъ молчали или отзывались съ ироническою похвалою. Больше всего обвиненій и злостныхъ укоровъ раздавалось по адресу суда присяжныхъ. Находились люди, пытавшіеся доказать, что этотъ институтъ не согласуется ни съ умственнымъ, ни съ нравственнымъ, ни съ политическимъ и общественнымъ состояніемъ Россіи. Присяжныхъ засѣдателей обвиняли въ томъ, что они плодятъ преступленія; всѣ оплошности коронныхъ судей, всѣ ошибки и пробѣлы предварительнаго слѣдствія ставились имъ въ вину. Чѣмъ дальше, тѣмъ громче, смѣлѣе и настойчивѣе раздавались эти обвиненія, тѣмъ слабѣе и неувѣреннѣе звучали рѣчи сторонниковъ реформированнаго суда. Казалось, вотъ-вотъ должно рухнуть величественное зданіе судебныхъ установъ Императора Александра II-го. Тягелое это было время.

Какимъ-то потребительнымъ запоемъ надъ лучшими нашими надеждами провозгласило правительственное сообщеніе объ образованіи комиссіи для пересмотра этихъ установъ. Всѣ вдали, всѣ опасались коренной ломки установившагося судебнаго строя, возврата къ темному прошлому дореформеннаго времени.

Напрасная тревога, напрасныя опасенія! Они разсѣялись при первыхъ же шагахъ комиссіи. Оставались еще только сомнѣнія, какъ отнесется она къ суду присяжныхъ. Теперь нѣтъ мѣста и этимъ сомнѣніямъ. Не такъ давно, со словъ столичныхъ газетъ, мы уже сообщали, что комиссія по пересмотру законоположеній по судебной части громаднымъ большинствомъ голосовъ высказалась за сохраненіе суда присяжныхъ.

Нѣкоторыя подробности объ этомъ, отнынѣ историческомъ, засѣданіи мы находимъ въ „Юридической Газетѣ". Въ засѣданіи, какъ сообщаетъ она, участвовали, кромѣ членовъ комиссіи, и нѣкоторыя другія лица, приглашенныя министромъ юстиціи, по вниманіе къ видной и дѣятельной роли, которую они играли въ оживленной литературной полемикѣ, происходившей по поводу суда присяжныхъ. Огромнымъ большинствомъ голосовъ комиссія признала необходимымъ сохранить тѣ главныя основы, на которыхъ построенъ судъ присяжныхъ по дѣйствующимъ уставамъ. Неприкосновенность главныхъ основъ не исключаетъ, конечно, детальныхъ исправленій въ организаціи этого суда, которыя могутъ быть введены безъ нарушенія его коренныхъ устоевъ.

Это рѣшеніе комиссіи будетъ встрѣчено горячимъ сочувствіемъ всѣхъ мыслящихъ людей, любящихъ свою родину, свой народъ. Но если судъ присяжныхъ есть лучшая изъ извѣстныхъ намъ формъ суда, то она не должна быть достояніемъ немногихъ только вѣстностей, а распространяться по возможности на все государство, не исключая и отдаленныхъ окраинъ его. Истина эта настолько проста, что оспаривать ее врядъ-ли можно.

Господину Начальнику работъ по постройкѣ средне-сибирской желѣзной дороги.

На предложеніе Вашего Превосходительства отъ 21/III с. г. за № 218/6/3, напечатанное во вчерашнемъ выпускѣ „Сибирскаго Вѣстника", долженъ отвѣтить, что порядокъ сообщенія именъ и фамилій авторовъ статей, печатаемыхъ въ повременныхъ изданіяхъ, предусматриваютъ ст. 135 и 136 Устава о цензурѣ и печати.

Что-же касается того, въ какой степени вѣрны свѣдѣнія о товарищѣ движенія на средне-сибирской желѣзной дорогѣ, появившіяся въ фельетонѣ „Сибирскаго Вѣстника" отъ 8 декабря с. г.,—„Чѣмъ мы живы", то сказать объ этомъ послѣднемъ долженъ комментѣтъ только *коронный*—судъ на основаніи *формальнаго* слѣдствія.

Редакторъ Г. Предсѣдатель.

дней я былъ такъ боленъ, что не могъ собрать мыслей. А когда мнѣ сдѣлалось лучше, за мною учредили строгій надзоръ, потому что меня, все таки, подозрѣвали въ томъ, что я сражался на баррикадахъ, такъ что долженъ былъ обратиться къ своему консулу, чтобы онъ далъ свѣдѣнія о моей личности и поручился за меня.

— Но если ты имѣлъ возможность свидѣться съ консуломъ, то могъ также извѣстить и меня....

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— А потомъ ты вышелъ на свободу, продолжала она все настойчивѣе, и въ продолженіи многихъ, многихъ лѣтъ ты даже не обезпокоился обо мнѣ....

Онъ въ замѣшательствѣ опустилъ голову, чтобы избѣжать ея взгляда. Правду онъ не могъ ей сказать, по крайней мѣрѣ, здѣсь, въ эту минуту. Она была права: онъ не писалъ ей и не пожелалъ возвратиться къ ней. Почему? Стыдъ и угрызенія совѣсти напали на него теперь, когда онъ объ этомъ подумалъ. Почему?... А очень просто, потому что онъ радъ былъ покинуть Парижъ, не повидавшись съ Пауліной.

Это была старая, но вѣчно новая исторія. Молодой студентъ знакомится съ молодой работницей, живущей одиноко. Конечно, является любовь. Молодая дѣвушка охотно бросается въ объятія юноши, которыя искренне заключаютъ ее. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, такая безпечбтная и веселая любовь длится годъ, другой, пока не наступитъ моментъ окончанія курса и мѣстѣ съ тѣмъ наступленія новой серьезной жизни. Прощай тогда счастливая, несостоятственная любовь! Прощай теплое голубиное гнѣздышко въ маленькой комнаткѣ, полной свѣта юности и розовыхъ надеждъ! Обыкновенно разстаются не съ большимъ горемъ. Онъ холоденъ, она разсудительна. Пообѣдавъ послѣдній разъ вмѣстѣ, пьютъ шампанское, весело желаютъ другъ другу счастья и затѣмъ расходятся. Бываетъ и такъ что, онъ и она сентиментальны. Тогда немного повздыхаютъ, немного поплачутъ и обѣщаются другъ другу писать. Переписка длится нѣсколько дней, иной разъ и нѣсколько недѣль, пока сердечная рана, которая никогда не бываетъ особенно глубокой, не залечится.

Но часто, о, часто!...

Исторія Рудольфа была изъ такихъ. Когда настало время уѣзжать изъ Парижа, Рудольфъ съ ужасомъ увидѣлъ, что узы связывающіе его съ Пауліной болѣе крѣпки, чѣмъ онъ думалъ. Два года она дѣлила съ нимъ свою маленькую комнатку въ пасежѣ Сомеро и въ продолженіи этихъ двухъ лѣтъ онъ ни разу не почувствовалъ скуки съ ней. Поцѣлуй и улыбка каждое утро, передъ уходомъ въ мастерскую, объявленіе, улыбка каждый вечеръ, когда она возвращалась назадъ. Когда онъ работалъ, она тихо садилась въ уголъ и оттуда глядѣла на него; когда онъ веселился, она ласкалась къ нему какъ собачонка. Если онъ бралъ ее въ театръ, она въ бла здарность цѣловала ему руки; если онъ выходилъ одинъ, она хотя и безпокоилась, но никогда ничего не говорила ему, ни о чемъ не спрашивала, и это такъ тронуло его, что онъ по немногу оставилъ привычку выходить одинъ, и подъ конецъ выходилъ только съ нею. Если онъ хотѣлъ что нибудь подарить ей, она долго не рѣшалась принять подарокъ и едва позволяла ему принимать участіе въ ея расходахъ на туалетъ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ ни разу не видѣлъ ее раздраженной или капризной. И такую нѣжную привлекательность онъ хотѣлъ, онъ долженъ былъ оборвать! Да, онъ былъ долженъ. Вѣдь не могъ же онъ сдѣлать глупость—жениться на ней! Въ 23 года и при томъ на дѣвушкѣ, случайно встрѣченной на улицѣ Монмартра. Когда же онъ объявилъ ей, что настала пора кончить ихъ любовь, то съ ужасомъ и удивленіемъ увидѣлъ, что она побѣдѣла какъ смерть и лишилась даже голоса. Придя въ себя и разразившись, наконецъ, рыданіями, она бросилась ему на шею, покрыла его лицо жгучими поцѣлуями и смочила слезами.

Нѣтъ, нѣтъ! не покидай меня! Я не могу!... Лучше умереть!... Напрасно онъ старался образумить ее. Но она ничего не хотѣла понять.

— Чѣмъ ты можешь упрекнуть меня?

Этотъ вопросъ ставилъ его втупикъ, такъ какъ единственно—чѣмъ онъ могъ упрекнуть ее это было только то, что она была его любовницей, но сдѣлать этотъ упрекъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права. Она была бѣдна, но ему было стыдно сказать ей это; она была необразованна, но свою необразованность она вполнѣ выкупала природнымъ умомъ, разсудкомъ и врожденнымъ тактомъ. Она требовала мотивовъ, а онъ могъ только сказать: но, дитя мое, ты должна понять, что мы должны разстаться.

А этого она уже никакъ не могла понять и потому плакала, повторяя съ отчаяніемъ:

— Рудольфъ! Рудольфъ! не покидай меня! Ты видишь,—я люблю тебя. Я ничего не хочу отъ тебя, кромѣ тебя самого. Никто не будетъ больше любить тебя чѣмъ я!...

Такъ проходилъ день за днемъ; непріятныя сцены вѣчно возобновлялись, но у Рудольфа не хватало смѣлости положить конецъ. Когда слезы Пауліны становились для него невыносимыми, онъ уходилъ изъ дому и нѣсколько часовъ бродилъ по улицамъ, мрачный и злой. Тоже случилось въ памятную ночь на 3 декабря и...

Потому то онъ ничего и не писалъ ей и не хотѣлъ возвратиться къ ней. Пуля изъ солдатскаго ружья повязалась ему спасительнымъ вмѣшательствомъ судьбы, которая пожелала освободить его отъ мученія. Выйдя на свободу, онъ буквально убѣжалъ изъ Парижа, не захвативъ даже съ собою своего маленькаго студенческаго багажа. И совѣсть въ это время ничего не говорила ему. Онъ старался тогда убѣдить себя, что онъ ничѣмъ не обязанъ Пауліне, что она вовсе не нуждается въ немъ, и что она съ ея прекраснымъ характеромъ и безъ него пробьетъ себѣ дорогу. Впрочемъ, эти разсужденія не могли заглушить внутренній голосъ, который пошептавъ ему: „подлецъ! подлецъ",

Ему не нужно было говорить обо всемъ этомъ ей теперь: она все разгадала и съ грустной улыбкой замѣтила ему

— Я понимаю, мой бѣдный Рудольфъ, и понимаю. Ты радъ былъ покинуть надоѣвшую тебѣ Пауліну и пуля избавила тебя отъ труда дать лично мнѣ отставку.

Она могла бы сказать больше, но удержалась. Она никогда не дѣлала ему упрековъ, такъ зачѣмъ надо было ихъ дѣлать теперь, на этомъ мѣстѣ, гдѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ она считала его погребенным.

Онъ взялъ ея руку и горячо пожалъ ее. Чтобы дать другой оборотъ этому непріятному разговору, онъ спросилъ ее.

— Что-же ты дѣлаешь теперь, Пауліна? Какъ живешь?

— Живу хорошо. Я много работала и добилась независимости. Теперь у меня 8 или 10 работницъ, и я почти богата.

Она прочла въ его глазахъ другой вопросъ и произнесла:

— Я осталась вѣрной тебѣ, Рудольфъ. У меня не было недостатка въ поклонникахъ, ты самъ это знаешь, но я всѣмъ отказывала. Мнѣ было-бы стыдно. И желала сохранить въ сердцѣ память только о тебѣ одномъ. Тебя это удивляетъ? Ты не вѣришь? Въ самомъ дѣлѣ, это почти невѣроятно. Да дѣвушкой уваживаютъ, а потомъ, когда она надоѣстъ, ее бросаютъ... Но она такъ глупа, что полюбила всѣмъ сердцемъ и не можетъ, не въ состояніи забыть...

На этотъ разъ тонъ ея былъ горькій; губы ея дрожали; она рукою закрыла глаза, между тѣмъ какъ изъ груди ея чуть не вырвалось рыданіе. Она сунула руку въ карманъ и вытащила оттуда старенькую записную книжку, которую и подала ему. Онъ сразу узналъ этотъ предметъ, на первой страницѣ до сихъ поръ еще сохранилась карикатура съ него, сдѣланная однимъ его товарищемъ. Потомъ она сняла съ груди медальонъ, раскрыла его и показала ему. Онъ также сразу его узналъ. Это былъ его подарокъ, а въ немъ находился локонъ его волосъ. Онъ не могъ больше сдерживаться и съ восторгомъ прижалъ ее къ своей груди, не взирая на прохожихъ, которые приходили и уходили изъ этого мѣста.

— Теперь ты вѣришь? спросила она, освобождаясь отъ его объятій.

Вмѣсто отвѣта, онъ поцѣловалъ ея руку.

Въ свою очередь она захотѣла взять его руку. Но онъ сдѣлалъ быстрое движеніе, чтобы спрятать ее.

Она все-таки увидѣла, что онъ спряталъ—это было обручальное кольцо.

Она глубоко вздохнула, закрыла глаза и минуту колебалась. Затѣмъ, вдругъ она упала на колѣни на то же мѣсто, на которомъ молилась, и губы ея снова зашептали прерванную молитву.

— Пауліна! вскрикнулъ онъ съ мольбою.

Она тихо покачала головою, какъ будто желая отогнать отъ себя какой-то образъ и [illegible] Пауліна! Дай же мнѣ твой адресъ. Я не могу такъ уйти.

Она закрыла лицо руками и ничего не отвѣчала.

Онъ приблизился къ ней и положилъ ей руку на плечо. Сильная дрожь потрясла ее всю, но она еще сильнѣе зажала голову руками.

Онъ тогда понялъ ее...

Раздался первый ударъ колокола, возвѣщавшій, что кладбище скоро запрутъ. Рудольфъ бросилъ быстрый взглядъ по направленію къ выходу. Тамъ показались его жена и тесть, которымъ онъ назначилъ здѣсь мѣсто встрѣчи и которые теперь искали его по кладбищу. Онъ посмотрѣлъ тогда еще разъ на колѣнопреклоненную женщину, и тихимъ, неслышнымъ шагомъ удалился. Онъ прошелъ главную алею, какъ будто во снѣ, но, дойдя до выхода, остановился и обернулся. На западѣ небо горѣло красками заката. Отъ земли подымался влажный туманъ, который понемногу заполнялъ аллеи кладбища и завоевывалъ силуеты прохожихъ. Окутанная этимъ влажнымъ покровомъ, неподвижная фигура Пауліны уже чуть чуть обрисовывалась на вечернемъ небѣ и, казалось, понемногу расплывалась....

И Рудольфу показалось, что это исчезала въ холодномъ туманѣ его собственная молодость....

П. Л.

Безпечные люди.

(Окончаніе, см. № 270 „Сиб. Вѣстн.").

VI.

Мои мысли на досугѣ о жизни безпечныхъ людей.

Иногда я отправлялся ночевать на озеро, лежавшее въ 5 верстахъ отъ заимки „Сутово", чтобы стрѣлять птицъ. Это озеро сѣчко можно было назвать утиномъ—такая масса утокъ разныхъ породъ стаями летала по его берегамъ, пряталась въ водѣ. На озерѣ были и лебеди. Только что я съ трудомъ перебрался черезъ мелководную виску, соединяющую озеро съ Кольмой, какъ я увидѣлъ ихъ. Они тихо, сомнутыми рядами плыли посреди озера, бѣлые какъ снѣгъ, поднявъ вверхъ свои стройныя шеи; казалось, посреди дарно растаявшаго озера плыли глыбы самаго чистаго снѣга. Озеро было окружено со всѣхъ сторонъ тальникомъ, за которымъ высился темносиніи стѣнами лиственичный лѣсъ. Тальникъ былъ затопленъ водою и я осторожно пробирался среди него, чтобы не испугать лебедей, раздвигая густые ряды тальниковъ руками. Мнѣ казалось, что я плыву не по краямъ озера, а среди пустынныхъ затопленныхъ лѣсъ, въ какой то дикой, необитаемой странѣ, описываемой на страницахъ сочиненій Майнъ-Рида и Фенимора Купера... Птицы летали надъ мной, садились недалеко отъ меня, такъ что я могъ бы прямо съ лодочки стрѣлять по нимъ. Но вообще не было охоты стрѣлять: я былъ одинъ здѣсь, среди птицъ, доверчиво [illegible] вокругъ меня. Шумъ птичьихъ голосовъ наполнялъ заросли и какъ то странно отдавался въ водѣ, въ безмолвіи лѣсовъ; казалось, что одни птицы кричатъ надъ водою, а другія отвѣчаютъ имъ изъ глубины озера, откуда глядѣли на меня солнце и небо еще красивѣе и сиѣжѣе, чѣмъ то, которое разстилалось надъ мною. На озерѣ высился островокъ, заросшій тальникомъ, отдѣленный отъ берега узкимъ проливомъ. Я приставалъ къ островку, притягивалъ лѣтку къ тальникамъ, ложился подъ кустомъ, бросалъ ружье на сторону, и любовался полярной лѣтней ночью. Я хотѣлъ, въ эти ночи, которыя я проводилъ на островкѣ, быть безпечнымъ человѣкомъ: ничего не желать, ни очемъ не думать, ни о чемъ не жалѣть... Вокругъ меня было столько красоты! вверху чистое, безоблачное небо, внизу подо мною чистая какъ хрусталь вода. Поглядишь вверхъ на небо, оно похоже на огромное озеро, поглядишь внизъ на озеро, оно похоже на небо, потому что небо видно въ немъ какъ въ зеркалѣ, ясно видны въ немъ птицы, пролетающія надъ моей головой; далеко, въ глубинѣ озера, колыхается стадо лебедей и не различишь въ голубоватомъ туманѣ бѣлой ночи, гдѣ колыхается оно на водѣ, или подъ водой своимъ отраженіемъ; синѣющій лѣсъ замыкаетъ дальнія края озера, а еще дальше все окутано сѣтлымъ туманомъ точно воздушной серебристой кисеей. Что скрываетъ этотъ туманъ? Такія же пустынныя озера и лѣса. Скоро солнце опустится еще ниже, скроется на мигъ за горами, выйдетъ зарь, обниметъ небо и опуститъ край своей прозрачной одежды на землю, окутаетъ озеро розовой пеленой. Еще рѣжѣе закружатся птицы въ розовомъ туманѣ бѣлой ночи. Сколько тысячъ верстъ пролетаютъ они ежегодно, чтобы поглядѣть на эту блѣдно-розовую ночь, клубящуюся надъ хрустальными водами, зелеными зарослями и лѣсами, синѣющими подъ небомъ; какое долгое, утомительное путешествіе предпринимаютъ онѣ, чтобы прожить здѣсь короткій мигъ лѣта вольно, безпечно... Онѣ прилетѣли оттуда, гдѣ нѣтъ пустынь, гдѣ на каждомъ шагу копошатся люди, какъ муравьи въ муравейникѣ, и задѣваютъ другъ друга въ безпрерывной работѣ и борьбѣ. Въ полудремотѣ я думалъ думы, сибирныя думы, въ которыхъ мнѣ слышно будетъ самому себѣ признаться, когда я сдѣлаюсь членомъ муравейника людей и въ неутомимой борьбѣ за существованіе буду давить иныхъ ближнихъ... Здѣсь въ пустынѣ, думалъ я, я могу жить вольно, безпечно какъ птица; здѣсь я независимъ, а тамъ въ муравейникѣ людей я буду рабомъ кѣмъ-нибудь. Здѣсь я могу жить какъ я хочу, тамъ я долженъ буду жить, такъ, какъ живутъ другіе люди, какъ они раздавали свои силы другимъ людямъ, которые сильнѣе меня и закладали дворцы природы. Вокругъ меня въ тайгѣ бѣгаютъ звѣри, лисицы крадутся по чащѣ, олени бродятъ по холмамъ, поросшимъ мхомъ, лѣсныя птицы кричаютъ на вѣтвяхъ деревъ, водя-

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Въ Рождественскую ночь.

Все утроилѣ неба своды,
Всѣ мрачнѣе ночь надъ нами...
За годами гаснутъ годы,
Умираютъ дни за днями...
Нѣтъ ни счастья, ни отрады,
Ни надежды нѣтъ, ни цѣли...
Гаснутъ яркія лампады
Подъ дыханіемъ мятели;
Меркнетъ умъ и тускнутъ очи,—
Зарыдать душа готова...
Лишь въ Рождественскія ночи
Воскресаетъ сердце снова,
И мечтаетъ радужныя грани,
Вновь надежды умъ тумаитъ,
Дѣтство сказкой старой манитъ
И зоветъ, и къ счастью манитъ.
Вѣришь снова безъ границы,
Забываешь грусть и слезы,
Въ эти сказки—небылицы,
Въ эти призрачныя грезы,
И во все, что жизнь лишь сулитъ
Съ вѣрой сѣдой и слѣпой,
И во все, что жизнь даритъ
На пути тернистомъ и долгомъ,
Пусть новомъ померкнутъ очи,
И потонутъ въ царствѣ прозы
И рождественскія ночи,
И рождественскіе грезы!
Отчего-жь, хотя бы въ шутку,
Со свободой вольной птицы
Не отдаться на минутку
Чарамъ сказки—небылицы!...

Дѣдушка Фаддей.

Изъ близкаго прошлаго.

Мы входили какъ бы тайкомъ, мы входили почти крадучись, блѣдные, изнуренные, нервные, входили глядуги другъ на друга, какъ будто другъ въ другѣ искали себѣ защиты въ томъ предполагаемомъ нападеніи, какое на насъ можетъ обрушиться всякій мигъ, всякую минуту при появленіи нашемъ въ этомъ ужасномъ домѣ; какъ казалось, что даже стѣны этого дома настолько пропитаны безуміемъ, что и онѣ, эти безмолвные свидѣтели людскаго безумія, могутъ повредить нашей благоразумной безопасности; какъ казалось, что даже въ стѣнахъ, выбѣленныхъ съ синимъ оттѣнкомъ стѣнахъ, для насъ, людей свободы, заключается какая то опасность; казалось, что въ безмолвномъ предметѣ заговорятъ голосъ другого лица, другого народа; намъ казалось, что народъ этотъ, иначе разсуждающій, иначе мыслящій, народъ какъ бы пришедшій съ другой планеты, гдѣ существуютъ другіе законы мышленія и логики, что народъ этотъ бросится и разорветъ насъ на клочки, что въ этомъ разрываніи скажется или полное несоотвѣтствіе насъ, считающихъ себя людьми нормальными, съ тѣми, кто заключенъ нами нормальными въ этотъ скорбный домъ, или наша трусость, вызывающая въ этихъ людяхъ глубокое презрѣніе, выражающееся въ отношеніи къ намъ какъ къ собакѣ, не заслужившей другой ласки кромѣ пряника хозяина. Вперди шелъ докторъ, давно забывшій грань, раздѣляющую насъ отъ этихъ людей, давно забывшій, что мы, нормальные, боимся ненормальныхъ, душившій, что между людьми разницы нѣтъ и быть не можетъ, потому то онъ и посмотрѣлъ на насъ съ такимъ пренебреженіемъ, съ такимъ нескрываемымъ пренебреженіемъ, какъ на людишекъ, жалкихъ людишекъ, съ боязнью входящихъ въ невѣрлительскій, но высоко благородный лагерь. Сколько разъ ему старику, на чьей головѣ лежитъ снѣгъ старости, сколько разъ ему приходилось и приходится входить сюда безъ всякаго страха, съ полной довѣренностью къ несчастнымъ, заключеннымъ здѣсь ненормальнымъ людямъ. Въ этой старой, посѣдѣвшей головѣ очевидно изсякъ всякій страхъ къ безумцамъ, очевидно входилъ онъ туда, какъ входимъ мы въ дѣтскую, набитую больными дѣтьми, гдѣ со всѣхъ сторонъ протягиваются слабыя руки, просящія хоть о малой помощи, и гдѣ старая эта голова своимъ появленіемъ уже вносила облегченіе и успокоеніе. „Докторъ, а палка", сказалъ кто то изъ насъ, видя что увѣдстій свой палашъ ищетъ старикъ безабботно подошедшій къ нимъ, на виду у всѣхъ безумцевъ. Онъ посмотрѣлъ и улыбнулся, какъ улыбаются всѣ взрослые на опросъ дѣтишекъ, и жестомъ приглашалъ насъ дальше. Изъ чувства-ли стыда, или выказывая свое мужество, не боящееся переступать этотъ порогъ, но мы вошли, какъ будто и храбро, и все-же съ боязнью что вотъ вотъ насъ хвататъ сзади палашемъ доктора.

Мы вошли, хотя ноги наши дешгали какъ дешгаются ноги каторжниковъ съ навѣшенными на нихъ тяжелыми кандалами, мы вошли съ трепетомъ, съ боязнью, со страхомъ, что этотъ чуждый міръ разлаетъ насъ, какъ мы дѣлимъ всякую бодрость, нарушающую наше нормальное спокойствіе; мы вошли думая, что сейчасъ-же на насъ обрушатся какіе то громы, какіе то ужасы, что міръ, другой міръ не проститъ намъ за насильственное вѣдѣленіе ихъ ненормальныхъ, изъ нашей среды, изъ нашего міра. Вошли... и странно намъ показалось, этотъ міръ насъ игнорировалъ, этотъ міръ посвотрѣлъ на насъ съ высока, у него должно быть были другія заботы, другія цѣли, чуждыя нашимъ цѣлямъ, нашимъ заботамъ, нашимъ радостямъ, нашимъ горестямъ, тутъ были другія, стоящія внѣ нашего горизонта цѣли и задачи, были это не наши идеалы, не наши задачи и цѣли, были это сферы другого міра; но насъ эти люди игнорировали, они съ усмѣшной смотрѣли на насъ опасающихся ихъ безумія, они глядѣли, должно статься, и не вѣрили, что есть-же такіе жалкіе трусы, которые боятся себѣ подобныхъ, которые съ опасной входятъ въ то мрачное подземелье, гдѣ они-же заключены такіе-же люди, но непходящіе только строемъ ума, такіе же люди, но съ мозгами работающими въ другую сторону, въ другомъ, не въ нашемъ направленіи; и сдѣлалось намъ какъ-то стыдно, не выразимо совѣстно, что входили мы сюда со страхомъ и боязнью, что входили мы сюда забывши, что эти люди отдѣлены отъ нашей нормальности лишь небольшимъ интерваломъ времени, играющимъ слишкомъ малую роль въ человѣческой жизни, и внѣ этой жизни, ограниченной узкими рамами, и совсѣмъ роли не играющими; стыдно, что маленькая грамка, раздѣляющая умъ, разумѣется по нашимъ понятіямъ, отъ безумія, заставила насъ бояться бѣдныхъ страждущихъ людей.

Страждущихъ... но почему же страждущихъ? Почему мы называемъ ихъ страждущими. Да имѣемъ-ли право, да можемъ-ли мы бѣдные, несчастные, нервные, сплошь и рядомъ принибленные, считать страждущими тѣхъ, кто самъ себя считаетъ выше нашихъ скорбей и заботъ; смѣетъ-ли мы, человѣчишки, считать безумцевъ и жалкихъ того, кто считаетъ себя какимъ нибудь принцемъ или королемъ? Отнимемъ ли мы нашей больнаю заключенныхъ въ страшную клѣтку людей, на нашъ взглядъ несчастныхъ, возможность у этихъ людей стремиться къ тѣмъ, какъ намъ надгорьмъ, гдѣ парятъ ихъ удрученный, но пышу, разумъ. Заставимъ-ли мы ихъ спустится съ этихъ высотъ; а если и заставимъ, то благо-ли имъ будетъ, благо-ли будетъ нашему сознать себя нищимъ, благо-ли будетъ преступному сознать себя злодѣемъ, благо-ли будетъ отверженному сознать себя всѣми покинутымъ, всѣми заброшеннымъ и забытымъ? Сознать себя нищимъ, протягивающимъ руку хотя бы и для родныхъ дѣтей, молящимъ о кускѣ хлѣба, сознать себя преступникомъ, стоящимъ внѣ людскаго закона, сознать себя изъятымъ изъ людскаго общества,—не лучше ли обладать умомъ, называемымъ безуміемъ, не лучше ли мнить себя владыкой міра, будучи полающимъ и полураздавленнымъ червякомъ, не лучше ли въ безумномъ умѣ нести на себѣ всю тяготу земного міра, чѣмъ быть свободнымъ отъ всякой земной тяготы, не лучше ли хоть безумнымъ умомъ парить надъ вершинами человѣческой добродѣтели, чѣмъ умнымъ умомъ поститъ всю непригладность своего положенія, своего жалкаго, отверженнаго, человѣческаго положенія! Нѣтъ, эти люди счастливы, они счастливы тѣмъ счастьемъ, которое дано имъ ихъ безуміемъ, они въ своихъ сумасшедшихъ рубашкахъ въ хвататкахъ хватаются хоть за краешекъ того счастья, которое намъ мерещится всѣмъ нашу жизнь и котораго мы достичь не въ состояніи. На единый мигъ они могутъ быть счастливы, а мы, мы, обладающіе нашими умственными способностями, мы, выпрающіе на этотъ безумный міръ очами людей озаренныхъ свѣтомъ ума, мы, думающіе, что въ насъ соль земли и свѣтъ разума, счастливѣе ли мы ихъ, счастливѣе ли мы хоть на іоту людей лишенныхъ разума, людей, холящихъ, по нашему, въ безпросвѣтной мгѣ?

Можетъ быть надо мною и станутъ сѣяться, можетъ быть многіе читатели скажутъ, что безуміе есть истинное мѣрило людского несчастія, но я все же скажу—дайте намъ на мигъ, хоть на единый, краткій мигъ того счастья, которое доступно въ безумномъ умѣ—безумному—и можно смѣло отдать всю свою умную въ противуположность безумію жизнь, отдать все то счастье, на которое человѣкъ имѣетъ только возможность расчитывать при сознательной жизни, за то счастье, какое человѣкъ испытываетъ при безуміи. Но тутъ же у меня рождается вопросъ—а развѣ ты знаешь глубину этого счастья? „Развѣ ты знаешь, что это счастье безусловно; развѣ ты думаешь, что это счастье не отравляется каждую секунду тѣми страданіями, какія приносить окружающая обстановка? Да и въ этомъ отношеніи мое предположеніе ошибочно: обстановка губитъ то эфемерное счастье, какое воздвигли для себя въ безумномъ умѣ эти несчастные, она сгубила по очію то, что строилъ на твердомъ, казалось фундаментѣ мой нормальный умъ: она разрушила всѣ тѣ моменты людского счастья, какіе доступны, можетъ быть, только лишь помраченному разуму; логика практической жизни шепчетъ мнѣ, что и счастье, построенное на безуміи, разрушается обстановкой, что и безумный даже не можетъ мнить себя властелиномъ, коли передъ нимъ поставлена если и не безногая, то по всякому случаю измызанная скамья, вмѣсто кресла—простой некрашенный столъ, вмѣсто стола порядочнаго, вмѣсто свѣта и простора—полумракъ и тѣснота—тѣснота тюрьмы, острога, самая ужасная страшная тѣснота, въ которой люди доходятъ до глубокой звѣрской ненависти противъ людей же. Сколько затаенно злыхъ взоровъ глядитъ, напримѣръ, на эту ничто качающуюся живую тумбу, въ которой нѣтъ рѣшительно, ничего уже человѣческаго, въ которой все, все буквально умерло, кромѣ безумія, тускло смотрящаго изъ глазъ этого животнаго когда то бывшаго человѣкомъ, и что нѣкое безумное шатанье одного, вѣчная безумная просьба другого, проклятія, страшныя, ко всему міру обращенныя проклятія третьяго, рвутъ въ клочья, бьютъ смертныя боемъ наобѣтавшіе, измученные нервы прочихъ здѣсь собранныхъ безумцевъ. А что, если бы здѣсь въ этой могилѣ ума, прозвучали тихій, нѣжный, ласкающій слухъ и нервы аккордъ; что, если бы за однимъ аккордомъ подействъ въ вышь другой, и полилась бы вмѣсто проклятія какая нибудь пѣсня, мелодія, вызывающая изъ слабой, безсильной самой по себѣ, памяти безумцевъ воспоминаніе о далекомъ, далекомъ счастьѣ, о томъ счастьѣ, которое уміло съ заключеніемъ ихъ въ этотъ скорбный домъ, о томъ счастьѣ, которое подернулось, затянулось какъ погасающій костеръ—пепломъ безумія. Что если бы эта пѣсня пробудила тронула умирающія струны души, можетъ статься она, какъ отголосокъ полузабытаго другого міра, отчуда всѣ они сюда пришли, можетъ быть она вновь бы возвратила многихъ изъ нихъ къ этотъ получуждымъ міръ. Можетъ быть она вызвала бы на глазахъ этихъ людей слезы о потерянномъ, о прожитомъ, въ стремленіе—сознательное стремленіе выразить изъ этой могилы труда, на просторъ, гдѣ кипитъ жизнь, гдѣ помучился умъ, но гдѣ покоится хоть слѣдъ воспоминанія о человѣческой, но не животной жизни.

Да, это можетъ быть, все это было бы пожалуй, если бы умные были жалостливѣе въ безумцамъ, но этого нѣтъ, и тихо, постепенно гаснутъ еще не угасшіе даже при странной обстановкѣ искры разума въ безумныхъ головахъ и все рѣже и рѣже горитъ въ очахъ ихъ сознаніе, оно все рѣже и рѣже промелькнетъ въ ихъ выраженіи напоминаніе о быломъ человѣкѣ и все трудняй и невозможнѣе становится возвратъ къ прошлому, все шире и непроходимѣе пропасть, лежащая между нами, нормальными, и ими, безумными. Долго будетъ лежать на насъ, входившихъ туда со страхомъ, гнетъ глубокой жалости, смѣшанной страхъ, долго еще будутъ приходить на память безотрадныя сцены безотрадняго дома, но что имъ въ нашей жалости въ нашемъ платоническомъ сочувствіи. Не нашъ и не съ нашими слабыми силами имъ помочь. А все же жалко, невыразимо жалко этихъ гибнущихъ на нашихъ глазахъ, неповинныхъ, отверженныхъ отъ насъ людей.

Н. Новиковъ.

Мѣстная хроника.

◆ Согласно Высочайше утвержденному 26 февраля 1896 года положенію объ управленіи церковными школами, въ составъ учредительнаго совѣта новаго свархоуальнаго училищнаго совѣта новаго свархоуальнаго училища: въ томское отдѣленіе предсѣдатель протоіерей Ан. Лашковъ, члены: по назначенію св. Б. Сиротинскій и Ст. Сосуновъ, смотритель дух. уч. А. М. Куроткинъ, В. Е. Маровскій и предсѣдатель училища—Д. А. Ерашковъ, Н. И. Новоцевъ и А. П. Лежойскій; и по должности—смотритель уѣздного училища П. А. Бутебенъ.

◆ Вчера вымылъ мѣсъ Томска г. начальникъ работъ по постройкѣ средне-сибирской ж. д. П. П. Мещеринъ.

ныя птицы носятся стаями по рѣкамъ и все это—для меня! Я свободно иду въ тайгу, на берегъ рѣки и озера, тамъ все принадлежитъ мнѣ, что я сумѣю взять у природы своимъ трудомъ, искусствомъ, хитростью... Тамъ, на родинѣ, дымятъ трубы фабрикъ и заводовъ, пыхтятъ пароходы, пароходы, везутъ изъ чужихъ странъ груды богатства, массы роскошныхъ дорогихъ вещей и все это не для меня. Я, какъ сотни тысячъ другихъ людей, буду голодать и безпомощенъ среди окружающаго меня богатства и роскоши, потому что у меня ничего нѣтъ. Кромѣ рукъ и этими руками я ничего не могу взять у природы, дарами которой завладѣлъ мурашейникъ людей... Онъ ничего не оставилъ на мою долю. Я не могу пойти въ лѣсъ, на озеро, на берегъ рѣки ловить зверей, рыбъ и птицъ, проводить лѣто въ безпечности и лѣни, потому что меня будутъ угнетать заботы о томъ, какъ бы создать себѣ благополучіе трудомъ или хитростью, взять свою долю въ благахъ природы. И долженъ буду упорно работать въ какомъ нибудь изъ тѣхъ заведеній, о которыхъ мечталъ Егоръ Егорычъ, и что еще хуже вести борьбу за эту возможность работать съ другими людьми, у которыхъ ничего нѣтъ кромѣ рукъ, какъ у меня. За станокъ, за плугомъ, за конторкой и займу чье нибудь мѣсто, сдѣлаюсь причиной чьего нибудь горя, чьи нибудь дѣти будутъ плакать и голодать оттого, что я окажусь болѣе искуснымъ, болѣе способнымъ дѣлать наивѣтное дѣло, чѣмъ другіе. Я не буду безпеченъ и лѣнивъ какъ чайка, на берегахъ родной рѣки; забота о кусокѣ хлѣба сдѣлаетъ меня безкорыстнымъ. Я буду завладѣть тѣмъ, кто искусенъ и талантливѣе меня, потому что онъ закроетъ мнѣ доступъ къ дѣятельности, отнимутъ отъ меня право на трудъ. Они будутъ презирать меня за то, что я ниже ихъ, я буду ненавидѣть ихъ за то, что они выше меня, что они закрываютъ мнѣ доступъ къ дѣлу, мѣшаютъ мнѣ продать свои силы дороже, чѣмъ за мѣдный грошъ. Всѣ мои отношенія къ ближнимъ будутъ построены на расчетахъ борьбы за существованіе, на конкуренціи! Такъ я думалъ тогда... Какъ грустно мнѣ стало отъ этихъ мыслей! Я былъ тогда, когда я думалъ такъ, еще мальчикомъ и поддавался впечатлѣніямъ. Вокругъ, на тысячи верстъ, не было ни кого кто далъ бы мнѣ иное направленіе моимъ мыслямъ, обратилъ бы мое вниманіе на иныя стороны культурной жизни. Какъ завладѣлъ я безпечнымъ людямъ, которые окоснѣлы мирнымъ сномъ на высокомъ „Сутоко" въ то время, какъ я думалъ о себѣ и о нихъ.

Я зналъ, что многія изъ мыслей, которыя приходили мнѣ въ голову, были абсурдны, но я не могъ противиться имъ и думалъ ихъ одну за другой, точно клубокъ мыслей разматывался въ умѣ... Счастливы ли безпечные люди, спрашивалъ я себя. Они живутъ просто, почти первобытной жизнью, не имѣютъ никакихъ всеполнимыхъ желаній, которыя надо анализировать, страстей, съ которыми надо бороться; не знаютъ богатства и нищеты и потому не знаютъ зависти, мученій жадности и важности, не желаютъ ничего отнять у другихъ людей, занять чье нибудь мѣсто на пиру природы. Разве въ этомъ одномъ не заключается счастье? Что можетъ быть лучше, какъ не имѣть желаній, которыхъ не суждено сбыться, быть довольнымъ своею судьбой, не желать ничего кромѣ того, что даетъ природа, не знать ненависти, злобы, не имѣть честолюбивыхъ помысловъ, никого въ жизни не презирать, не ненавидѣть? Я вспомнилъ арабскую сказку о томъ, какъ одинъ дервъ искалъ счастливаго, чтобы снять съ него рубашку и надѣть на себя; когда нашли счастливаго, то тамъ не оказалось рубашки, которую, по предсказанію мудрецовъ, должна была исцѣлить больного царя. Счастливый человѣкъ такъ реформировалъ свое счастье: „поработать, наѣлся и спать лягу—чего же мнѣ больше надо?" Почти также реформировали свое счастье безпечные люди на берегахъ Нолымы. Они видѣли свое счастье въ удовлетвореніи своихъ потребностей, въ безпечной жизни, которая ни на мигъ не окрачалась заботами о будущемъ, сожалѣніями о прошломъ, недовольствомъ настоящимъ. Мнѣ казалось, что человѣкъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ меньше у него потребностей, потому что ему надо меньше средствъ для ихъ удовлетворенія, поэтому онъ меньше борется и страдаетъ; въ немъ не развита до утонченности способность наслаждаться, за то не развита способность страдать. Но мнѣ какъ то жутко стало при мысли, что на этотъ дикій уголокъ, гдѣ люди еще живутъ тою жизнью, какую указываетъ ихъ природа, гдѣ они всѣ промышляютъ на божьихъ тоняхъ—надвигается сплошная туча цивилизаціи скрывается въ себѣ еще худшія перспективы... По потомки безпечныхъ людей будутъ наслаждаться и благами цивилизаціи: они будутъ плясать не подъ звуки самодѣльной балалайки, а подъ звуки „машины" въ трактирныхъ заведеніи потомковъ Егора Егорыча, будутъ имѣть больницы, богадѣльни и школы, въ пользу которыхъ просвѣщенные кабатчики будутъ давать любительскіе спектакли и устраивать лотереи-аллеры. Въ больницахъ будутъ безвозмездно лечить тѣхъ рабочихъ (изъ заведеній Егора Егорыча), которые полежали себѣ руки или ноги отъ неумѣлаго обращенія съ машинами. Въ богадѣльняхъ найдутъ себѣ пріютъ престарѣлые рабочіе, неспособные больше работать въ заведеніяхъ; въ школахъ будутъ учиться дѣти рабочихъ какъ быть полезными обществу и работать не щадя живота для Егора Егорыча. Безпечные люди поймутъ, что лѣность, которой предавались ихъ предки на берегахъ рѣки-корилины—страшный порокъ, что надо работать не столько, сколько надо для того, чтобы быть сытымъ, а столько, сколько прикажетъ Егоръ Егорычъ.

Надвигающаяся гроза еще далеко, но она придетъ и обратитъ безпечныхъ веселыхъ людей въ угрюмыхъ рабовъ мѣднаго гроша, замѣнитъ тихую, мирную жизнь по заникамъ кипучей дѣятельностью, неумолимой борьбой за существованіе. Рано или поздно и здѣсь будетъ то, что въ остальномъ мірѣ... Но неужели настанетъ время, когда въ мірѣ не будетъ такого уголка, гдѣ будутъ жить спокойно и весело безпечные люди, изъ которыхъ каждый будетъ имѣть то, что имѣетъ другой и потому всѣ будутъ довольны своей судьбой и будутъ веселиться, лѣниться и работать сколько сами захотятъ. Странной мнѣ показалась (въ томъ настроеніи, въ какомъ я былъ тогда) цивилизація, которая разрушаетъ счастье, спокойствіе и свободу людей, дѣлаетъ человѣку знакомъ, но будитъ въ немъ большіе вопросовъ, чѣмъ онъ можетъ отвѣтить на нихъ и пионерами которой являются Егоры Егорычи со своими заведеніями... Передъ моими глазами вставалъ этотъ герой будущаго, представитель эволюціи, Егоръ Егорычъ, съ мошной въ рукахъ, этотъ чумазый, который придетъ и слопаетъ всѣхъ. Я переносился мыслью въ далекое прошлое народа и не находилъ въ немъ болѣе пошлой и нечаевитой фигуры. Чумазый, котораго выдвинула эволюція на мѣсто крѣпостника, позаимствовалъ пороки послѣдняго и ни одной добродѣтели. Пашествіе чумазаго хуже нашествія неприятеля, потому что всѣ человѣческіе чувства его замѣняетъ мѣшокъ съ деньгами; онъ повинется неумолимому закону и самъ неумолимъ какъ законъ. Но его господство незабвенно: онъ представитель эволюціи, черезъ которую долженъ пройти человѣческій родъ; черезъ нее должны пройти и безпечные люди, хотя мнѣ, быть можетъ остается еще промышлять на божьихъ, всѣмъ и никому не принадлежащихъ, тоняхъ, лѣтъ сто, или больше... Но не странно ли было съ моей стороны не желать, чтобы безпечные люди подпали дѣйствію неумолимаго закона? Среди дикарей я самъ сталъ дикаремъ. Природа земли безпечныхъ людей дала мнѣ рядъ новыхъ, неиспытанныхъ дотолѣ впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ мои взгляды измѣнились. Я преклонялся передъ наукой, цивилизаціей и видѣлъ въ нихъ залогъ счастія людей, когда жилъ среди другой болѣе богатой дарами и красотой природы; наблюденія жизни людей въ этой пустынѣ,—гдѣ нѣтъ науки, цивилизаціи и благъ культуры: школъ, музеевъ, кабаковъ, тюремъ, театровъ, больницъ, казармъ, ничего нѣтъ кромѣ нетронутой, неподбѣженной природы и невозмущенного ничѣмъ противъ нея человѣка,—пробудили во мнѣ новыя, странныя мысли. Отчего, спрашивалъ я себя, житель пустыни, не обладающій благами культуры счастливѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ къ столкновенію съ этими благами? Онъ просто, добръ, мягокъ, пока не знаетъ благъ культуры, но лишь только познакомится съ ними—становится эгоистичнымъ, безжалостнымъ. Пока онъ живетъ такъ, какъ велитъ ему природа, ловитъ рыбъ, зѣрей, птицъ на божьихъ угодьяхъ, или пашетъ полоску божьей нивы—онъ доволенъ своею участью, никому не завидуетъ, никого не сталкиваетъ съ мѣста, за всѣмъ признаетъ такое же право кормиться на божьихъ угодьяхъ, какое признаетъ за собою. Лишь только онъ получитъ образованіе и узнаетъ то, что дѣлается въ мірѣ—сейчасъ же стремится захватить въ свои руки исключительное право на пользованіе тѣмъ, что онъ раньше считалъ божьимъ, сотворенимъ на потребу всѣхъ; просчетъ идеалъ: самому кормиться, кормить своихъ дѣтей и спокойно жить и умереть на землѣ своихъ отцовъ, замѣняется у него сложнымъ идеаломъ, гдѣ обязательно фигурируетъ заведеніе съ тысячью рабочихъ, получающихъ жалованья грошя а зарабатывающихъ хозяину сотни тысячъ рублей. Простой, невѣжественный человѣкъ боится цивилизаціи, которая разрушаетъ его счастье замѣняетъ его мирную, такую жизнь безпощадной борьбой за существованіе; онъ какъ то инстинктивно бѣжитъ отъ нея на сѣверъ, на востокъ, въ малонаселенныя пустыни, ищетъ божьихъ тоней, божьихъ угодій, которые кормили бы одинаково всѣхъ, кто работаетъ на нихъ. Но бѣжать искуда: вездѣ за нимъ по пятамъ слѣдуетъ цивилизація, отнимаетъ отъ насъ божьи тоня, гонитъ насъ въ заводы, въ школы, тюрьмы, больницы и вотъ тамъ, гдѣ раньше всѣ были бѣдны, но не были нищихъ, голодныхъ, побѣжденныхъ въ борьбѣ за существованіе, не было счастливыхъ побѣдителей въ этой борьбѣ, обладающихъ собственными капиталами и заведеніями, гдѣ всѣ были одинаково сыты и урожай, одинаково голодны въ неурожай,—тамъ тысячи голодныхъ людей продаютъ свой трудъ за ничтожный грошъ какому набубу Егору Егорычу, котораго эволюція сдѣлала исключительнымъ обладателемъ божьихъ угодій. Они не могутъ отдать себѣ отчета въ томъ какъ это случилось, что они раньше безпечные и сытые въ родныхъ поляхъ и лѣсахъ вдругъ стали голодными и принуждены работать въ заведеніяхъ Егора Егорыча. Они не разсуждаютъ, а преклоняются передъ силой, которой не понимаютъ, а кто изъ нихъ пойметъ эту силу, тотъ стремится стать частью ея и угнетать другихъ...

Но теперь они еще счастливы, беззаботны, сыты мои знакомые, безпечные люди. Опасность, грозящая имъ, еще далека отъ нихъ, отъ ихъ дѣтей и внуковъ. Еще не скоро эволюція дойдетъ до ихъ далекой, пустынной земли.

Культурный человѣкъ пожалѣлъ бы только этихъ безпечныхъ людей. Мнѣ же казалось, что они счастливѣе его. Какъ бы всеоружіемъ науки также безпечно разрѣшали вопросы о тайнахъ бытія, какъ и дикарь, я долженъ вѣрить тамъ, гдѣ онъ не можетъ знать. Если бы знаніе давало такое же счастіе культурному человѣку, какъ дикарю даютъ его невѣжество и вѣра, то культурныя страны были бы населены добрыми, кроткими людьми, въ нихъ не было бы неутомимой борьбы и безпощадной прихоти человѣка къ человѣку. Но этого нѣтъ: тамъ, въ культурныхъ странахъ, полно полнёхонькъ: чтобы удовлетворить своей жадности, тщеславію, гордости, онъ лишаетъ своихъ ближнихъ куска хлѣба. И даже когда культурный человѣкъ избѣгаетъ что-либо, повидимому, на пользу ближнихъ, онъ берегъ себѣ за это съ ихъ милліоны. Не такъ поступаетъ дикарь. Дикарь, неусѣлый охотникъ, убиваетъ много дичи и получаетъ только одинъ рыбъ, какъ и тѣ, которые совсѣмъ не искусны и ничего не убили, какъ призъ онъ получаетъ еще шкуру убитаго животнаго; дикарь открываетъ рыбную тоню и получаетъ только то, что поймаетъ на ней, какъ и всѣ тѣ, которые не нашли никакой тони. Слава искусного охотника или рыболова сама по себѣ служитъ ему наградой и онъ не требуетъ, чтобы другіе еще ему платили за это, а культурный человѣкъ беретъ привилегію на свое изобрѣтеніе, монополизируетъ его, продаетъ свой талантъ на вѣсъ золота.

Я тоже сожалѣлъ бы о судьбѣ бѣдныхъ рыбаковъ, которые живутъ мирной, тихой жизнью въ своихъ лѣсахъ, считалъ бы ихъ несчастными отъ того, что у нихъ нѣтъ школъ, больницъ, тюремъ, фабрикъ и другихъ заведеній, если бы не побывалъ на берегахъ Нолымы, гдѣ я нашелъ больше доброты и любви къ ближнимъ, чѣмъ среди культурныхъ людей.

Всѣ эти мысли страдали односторонностью; я зналъ это: но жизнь безпечныхъ людей сдѣлала на меня такое впечатлѣніе, что я забылъ про всѣ положительныя, свѣтлыя стороны культурной жизни, а видѣлъ одни лишь отрицательныя, одну изнанку ея. И не проговаривъ этихъ мыслей: можетъ быть не представится больше случая вызвать ихъ въ умѣ. Когда я поселюсь среди культурныхъ людей, во мнѣ проснутся вновь: самолюбіе, зависть, ненависть къ другимъ людямъ, иначе смотрящимъ на вещи, чѣмъ я; я забуду про жизнь безпечныхъ людей, буду бороться за существованіе, заставлять другихъ людей работать на себя, сталкивать ближнихъ моихъ съ насиженныхъ мѣстъ, чтобы самому занять ихъ... Я такъ заставить меня поступать не моя личная испорченность или злая, а весь складъ жизни, среди которой я будутъ жить... Въ тѣхъ случаяхъ, когда безпечные, невѣжественные люди говорятъ своимъ ближнимъ: „промышлай съ нами, вѣшъ вѣста знаешь"—я буду говорить моимъ ближнимъ: „On voi de la que je m'y place!"

Надвинулъ я прошусь съ безпечными людьми и уѣду въ городъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ я прошусь съ ихъ землею, уѣду на родину, зажиду культурной жизнью, задамся мыслью о томъ какъ бы подороже продать свои услуги ближнимъ и заѣду о далекомъ, пустынномъ уголкѣ земли, гдѣ люди реформируютъ свое счастье словами счастливаго безъ рубашки: „поработать, наѣлся, спать лягу; чего мнѣ больше надо?"

А. Клюге.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

◆ Здѣсь получена телеграмма, что изъ Петербурга выбылъ въ Томскъ начальникъ экспедиціи, инженеръ Вазуевъ.

◆ Зимній караванъ съ золотомъ изъ Иркутской золотопромышленной прослѣдовалъ изъ Красноярска прямо по желѣзной дорогѣ. Караванъ золота состоитъ изъ 15 мѣстъ, вѣсомъ въ 205 п., и предназначенъ на монетный дворъ въ С.-Петербургъ.

◆ 21 декабря, въ 11 часовъ ночи, на вокзалѣ „Томскъ" состоялись проводы послѣдней партіи, новобранцевъ, около 300 чел., отправляющихся изъ Томска на Амуръ. Партію до Читы сопровождаетъ старшій унтеръ-офицеръ мѣстнаго батальона; на вокзалѣ провожали новобранцевъ полковникъ Кудрацевъ и офицеръ мѣстнаго батальона, родные и знакомые; не обошлось, конечно, и безъ слезъ.

◆ На днях выбылъ изъ Томска по желѣзной дорогѣ, находившійся здѣсь проѣздомъ по Сибири, англійскій военный агентъ, полковникъ Вакеръ.

◆ Въ томской почтово-телеграфной конторѣ получена заказная бандероль изъ Иркутска со статьей для „Сибирскаго Вѣстника". Статья трактуетъ по вопросу о заседаніи общ—ва иркутскихъ краевѣ и написана въ видѣ письма, съ обращеніемъ: Въ редакцію „Сибирскаго Вѣстника". Милостивый государь, г. редакторъ". Приведенное обращеніе автора статьи уже участеи нѣкоторымъ образомъ, что статья предназначена для печати, т. к. адресована въ редакцію и обращена къ редактору, а не къ лицу и его и носитъ слѣдовательно дѣловой характеръ. Здѣшняя-же почтово-телеграфная контора сочла статью за частную переписку, составила актъ и требуетъ уплаты штрафа, что то около 13 р. Справедливо ли требованіе почтовой конторы? Вопросъ, этотъ наивѣрное рѣшить г. начальникъ поч. тел. округа.

◆ Нѣкоторые магазины практикуютъ странный способъ торговли: купцы, положимъ, въ башмаки у г. К., галошъ же, подходящихъ къ башмакамъ у К. не оказалось, вы идете въ другой магазинъ; оказывается, что здѣсь приказчикъ любезно васъ спрашиваетъ: „куда вы изволили купить башмаки?" и, получивши отвѣтъ, заявляетъ: „ужъ потрудитесь тамъ и галоши взять, а у насъ для васъ нѣтъ".

◆ Поступило пожертвованій въ пользу бѣдныхъ: отъ г-жи Арцыбашевой, черезъ А. К. Березницкаго,—25 р., которые переданы ея извѣстному бѣдному семейству, согласно волѣ жертвователь-ницы. Получено предсѣдателемъ Галерныхъ: отъ неизвѣстной, которую желательно пригласить въ попечительницы общества,—25 р.; отъ неизвѣстнаго—5 р.; отъ Анны Георгіевской 4 платка для старухъ; В. Е. Пудовникова 2 р.

◆ Какъ въ театрѣ Королева будетъ зажжена въ 7 ч. вечера.

◆ Поставленная, 22 декабря, въ бенефисъ Б. С. Борисова, извѣстная пьеса нѣмецкаго драматурга Зудермана „Родина" прошла съ большимъ успѣхомъ. Особенно были хороши г-жа Строгова, г. Ивановъ и самъ бенефиціантъ, исполнявшій роль старика Шворе. Исполнителе вызывало шумныя рукоплесканія зрителей. Бенефиціанту отъ почитателей его таланта былъ поднесенъ денежный подарокъ.

◆ Бенефисъ семейства Домарновыхъ, не смотря на предпраздничное время, привлекъ все-таки достаточно публики. Исполненіе всѣхъ номеровъ цирковой программы прошло вполнѣ удачно, бенефиціантокъ публика награжала шумными аплодисментами и поднесла подарки, въ числѣ которыхъ были золотые браслеты, бомбоньерки и конфекты.

◆ 23 декабря монастырскіе вощики изъ-не С. Черемисинъ и Н. Клобуковъ, возвращаясь изъ города на архимандритскую заимку съ провизіей, близъ Черемошинской пристани подвергались нападенію со стороны злоумышленниковъ и были ограблены.

◆ Въ томской центральной пересыльной тюрьмѣ 22 декабря состояло арестантовъ 190 человѣкъ, изъ нихъ политическихъ 1.

◆ Прибывшіе: Жирухинъ, Гертгранъ, Сиваковъ.

◆ Выбывшіе: Даниловъ, Дружининъ, Петровскій, Трапицынъ.

◆ Въ ночь на 22 декабря, въ г. Подшивомъ № 11, по Загорной ул., черезъ взломъ замка въ зимовкѣ, украдено разныхъ вещей на сумму 50 р.

◆ При полицейскихъ частяхъ арестовано: за пьянство 20, за неплатежъ 4, слѣдственныхъ 1.

◆ Въ городскомъ почтовомъ домѣ на 22 декабря получено 99 чел.

Среди газетъ и журналовъ.

На-дняхъ мы приводили мнѣніе „Нов. Врем." по поводу правительственнаго сообщенія о послѣднихъ студенческихъ безпорядкахъ. Этому же вопросу посвятила статью и многія другія газеты. Такъ, „Гражданинъ" особенно подчеркиваетъ, что университетъ есть только высшее учебное заведеніе и его слушатели должны подчиняться такой-же дисциплинѣ, какой подчинены и слушатели другихъ высшихъ школъ, не приписывающіе себѣ особыхъ правъ во время ихъ бытности въ школѣ, по занимающееся наукою.

Ясно какъ день,—говоритъ онъ,—что каждый студентъ, который не ребенокъ, а вполнѣ разумѣ умственно развитъ,—получаетъ полную возможность самому рѣшать вопросы: чего онъ хочетъ—учиться, поникнуть правилами университета, или не поникнувъ правилами, уходить изъ университета... Пусть этотъ вопросъ на дня подразумѣнія, на дня пустыхъ мѣръ, на дня насилій, на дня нелѣпыхъ толковъ; обязанъ прямо, всѣ студенты предупреждены, сказаны наши въ университетѣ обязанности, знаютъ студенты обусловлено и почемо правильно только учиться, и дѣло ясно, какъ день... Не начальство исключаетъ, а онъ самъ себя исключаетъ тамъ, кто отъ своего мнѣнія подчиняться правиламъ университета совершенно на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ исключаетъ бы членъ клуба изъ клуба, если онъ нарушалъ не подчиняется его правиламъ.

Тѣмъ не менѣе, кн. Мещерскій вводитъ особый пунктъ въ проектируемыхъ имъ правилахъ для университета. Понимая возможность увлеченія молодежи, онъ считаетъ необходимымъ добавить, что

студентъ, исключенный за необходимое университетскихъ правилъ, въ теченіе семи дней можетъ вновь о своемъ желаніи подчиняться всѣмъ правиламъ университета и дѣлать въ томъ подписку и свое честное студенческое слово. Тогда онъ принимается вновь. Но за нарушеніе честнаго слова онъ исключается навсегда изъ университета, и является правъ поступать въ другой университетъ.

* * *

Курьезный протестъ для оцѣнки женской даровитости вообще, а сценической артистки въ частности, предлагаетъ итальянскій антропологъ Ферри. Талантливая женщина, по его мнѣнію, характеризуется „серповидною челюстью" (просто выдающимся подбородкомъ), указывающей на преобладаніе энергіи и на нервность типа. Ученое объясненіе своему наблюденію Ферри даетъ слѣдующее.

Двумя крайними полюсами жизни являются индивидуумъ и родъ. Женщина имѣетъ преобладающую функцію въ жизни рода—материнство, которое объясняетъ всѣ ея физическія и психическія черты. Поэтому, представляетъ нѣкоторыя индивидуальныя жизни она имѣетъ, только мертвую въ извѣстной мѣрѣ жизнь виде. Серповидная челюсть у женщинъ артистокъ служитъ антропологическимъ указателемъ молодой индивидуальности, удаляющейся очень часто отъ жизни жизни, т. е. отъ материнства. А такъ какъ наша общественная жизнь предоставляетъ только одинъ путь для проявленія такой индивидуальности у женщинъ—сценическую дѣятельность, то существованіе „серповидной челюсти" у артистокъ не представляетъ ничего удивительнаго.

Ферри приводитъ массу примѣровъ: онъ называетъ много именъ артистокъ и всѣ онѣ обязательно имѣли указанную имъ особенность челюсти. Но, несомнѣнно, можно привести не мало примѣровъ и совершенно противуположнаго характера.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отдаются комнаты, можно со столомъ. Магистратская улица, домъ № 37, Фаеръ.

1897.—ОТКРЫТА ПОДПИСКА.—1897.
БОЛЬШАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА
Годъ изданія 35-й.
Выходитъ ежедневно въ ДВУХЪ изданіяхъ.
Въ сжатомъ изложеніи сообщаетъ о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня съ столицами, сообщаетъ и изготовляетъ ежедневно одновременно съ другими дорогими изданіями, а позому газета „Сынъ Отечества" опережаетъ.
ЗАНИМАЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.
Кромѣ ежедневныхъ изданій газета выдаетъ: 1) 52 номера воскресныхъ приложеній, въ числѣ ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, 2) 52 номера разныхъ повѣстей и болѣе 52 художественныхъ рисунковъ, 3) 12 кн. „Міръ и рукодѣліе"—4) „Сѣдьмой календарь".
НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
Новый романъ литературнаго произведенія извѣстнаго писателя А. МИХАЙЛОВА
„ГРѢХИ ПРОШЛАГО". Большой романъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (на первое изданіе)
Съ доставкой 3 р. Безъ доставки 4 р.
На три мѣсяца 2 р.—На одинъ мѣсяцъ 1 р. На три мѣсяца 1 р.
ВТОРОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ
СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА
съ дост. 1 р. Выходитъ съ иллюстраціями. съ дост.
Въ отдѣлѣ „Новости" помѣщаются: а также постановленія и распоряженія высшаго правительства, военныя и научныя извѣстія, сообщенныя иностранныя и телеграммы—
Одновременно съ всѣми другими дорогими изданіями.
Каждый воскресный номеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазировочной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами современныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей (русскихъ и иностранныхъ), а также съ иллюстраціями портретовъ и общественныхъ, представляющихъ на себѣ, въ извѣстной мѣрѣ, особое значеніе русскаго общества.
Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе
(съ доставкою и пересылкою по Россіи)
На годъ 4 руб. На полгода 2 руб. На три мѣсяца 1 р.
ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ газеты могутъ получать ежедневное изданіе по половинной цѣнѣ.
Спискомъ изданій и объявленіями высылается безплатно.
Контора: Спб., Невскій просп., д. № 68—40.
№ 1265 4—4

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
товарищества
БРОКАРЪ и К°.
Могущественныя свойства глицерина на столько извѣстны, что не нуждаются въ новыхъ похвалахъ. Глицерить въ особенности полезенъ для семейной кожи.
Глицериновое мыло не содержитъ въ себѣ ни щелочныхъ, ни другихъ какихъ-либо вѣдомыхъ частей,—потому-то оно и сообщаетъ такую пріятную свѣжесть, сохраняетъ мягкость кожи и увеличиваетъ ея объемъ. Для туалета дамъ и дѣтей молочная и обильная пѣна этого мыла служитъ превосходнымъ умываніемъ.
Вообще наше глицериновое мыло обязано своему качеству и свойству натуральнымъ и отъ оцѣненныхъ продуктамъ, изъ которыхъ оно составлено, въ домъ интересъ чего оно пробрѣло такую громкую извѣстность и лестное вниманіе публики.
№ 564. 7—10.

ПЕРВЫЙ
ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ
ВЪ РОССІИ.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1897 Г.
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МОДНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
НОВЫЙ
РУССКІЙ БАЗАРЪ
31-й годъ изданія.
48 богатыхъ нумеровъ въ годъ.
Признано, что „Новый Русскій Базаръ" по праву считается руководителемъ и совѣтникомъ дамъ во всѣхъ вопросахъ относительно искусства одѣваться изящно, со вкусомъ и по послѣдней модѣ, такъ какъ
ОНЪ ОДИНЪ СОЗДАЕТЪ МОДУ
ВЪ РОССІИ.
Подписчики получаютъ въ годъ масу модныхъ рисунковъ моделей, выкроекъ, вышивокъ, рукодѣлій и пр., и пр.
БОГАТЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.
Подписная цѣна:
Первое изданіе: (48 №№ въ годъ съ 24 гравюрами, приложеніями новѣйш. парижскихъ модъ и 24 больш. листа съ выкр. на нихъ 1800 выкр.) безъ пер. 7 р., безъ пер. 9 р.
съ четырьмя цѣнными преміями.
Второе изданіе: (48 №№ въ годъ съ 24 гравюрами, прил. новѣйш. парижскихъ модъ, 24 больш. листа съ выкр. на нихъ 1800 выкр., выкрой, выкр. сезон. вещей и 12 рассер. выкр., 1800 выкр. и 12 рассер. выкр.) безъ пер. 9 р., съ перелетами 12 р.
съ пятью цѣнными преміями.
Третье изданіе: (48 №№ въ годъ съ 24 гравюрами, прил. новѣйшихъ парижскихъ модъ, 24 больш. листа съ выкр. на нихъ 1800 выкр., выкрой, выкр. сезон. вещей и 48 рассер. выкр.) безъ пер. 10 р., съ перелетами 12 р.
съ пятью цѣнными преміями.
Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Новаго Русскаго Базара": С.-Петербургъ, Садовая, 22.
— КАТАЛОГЪ ВСѢХЪ ИЗДАНІЙ книгоиздательства Германъ Гоппе высылается по требованію БЕЗПЛАТНО. —

С.П.Б. ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
„КАПРИЗЪ НЕВЫ"
„МОСКЪ"
„ПОДЗѢСНЫЙ"
ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА.
Своими превосходными достоинствами заслужили полное одобреніе со стороны многочисленныхъ потребителей.
Главные склады: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, площ. Александринскаго театра 9. МОСКВА. ВАРШАВА
№ 1205. 3—14.

РОДИНА
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАН. ЛИТЕРАТУР. ЖУРНАЛЪ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦІАЛЬНАЯ ГАЗЕТА
(девятнадцатый г. изданія) 1897 г. (девятнадцатый г. изданія)
выдаетъ въ теченіе года:
52 №№ Иллюстрированнаго литературнаго журн. съ отдѣломъ „РАЗВЛЕЧЕНІЕ" въ числѣ отдѣлъ: юмористика, отрывъ, задачи, опыты и проч. съ рис.
52 №№ Политич. обществ. газеты съ двумя фельетонами и кокрантомъ.
12 книгъ „СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ".
ДАРОВЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:
12 №№ Модъ и рукодѣлій съ рисунками.
12 листовъ моди. выкр. въ натур. вел.
12 листовъ портретовъ для вышивокъ.
12 №№ НОГЪ для швеи и инструмент.
12 №№ Для Дѣтей: пов., разж. съ рис.
12 №№ Сель. Хозяйство и Домоводство.
12 №№ Всемірного Путешественника.
12 рисунки. лист. говорящ. для гимназистовъ, ремесл. и друг. работъ.
12 №№ прил. драматич. соч. подъ заглавіемъ „ДОМАШНІЙ ТЕАТРЪ".
Подписная цѣна на годъ безъ доставки 4 р. Съ доставкой и пересылкой по всѣ города и мѣста Россіи—6 р. Въ С.-Петербургѣ съ доставкой—3 рубля.
Разсрочка допускается: при подпискѣ—2 рубля, 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.
Безъ всякой приплаты за пересылку ГЛАВНЫЯ ПРЕМІИ.
Иллюстрирт. программа высылается по требованію безплатно.
Редакція (Родина): С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Лиговская ул., д. № 114.
„РОДИНА" общедоступное изданіе для всѣхъ и обо всѣхъ. № 1345 3—37

ЭССЕНЦІЯ ПЕПСИНЪ ШЕРИНГА
(ПИЩЕВАРИТЕЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ)
По рецепту д-ра Оскара Либрейхъ, профессора фармакологіи Берлинскаго университета.
Трудность пищеваренія, изжога, мокрота въ желудокъ, послѣдствія неумѣренности въ пищѣ и питьѣ уничтожаются въ скоромъ времени посредствомъ этой пріятнаго вкуса эссенціи.
Scherings Grüne Apotheke, Berlin N., Chaussee-Strasse, 19.
Складъ почти во всѣхъ аптекахъ и извѣстн. интенар. магазинахъ Россіи.
№ 786. (11).

— НОВОСТЬ! —
ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.
1896— —1897.
НОВѢЙШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА.
РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ
МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. Цѣна 325 руб.
РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 РУБ.
Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ.
Единственный для всей Россіи СКЛАДЪ
Торговый Домъ Ж. Блокъ
Главная Контора МОСКВА.
ОТДѢЛЕНІЯ: С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Коканъ, Ростовъ н/Д.
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО. № 460. 13—20.

Универсальный патентованный ШИНДЛЕРА
АНТИКОРСЕТЪ.
(БЮСТГАЛЬТЕРЪ)
Извѣстное міру полезное для здоровья изобрѣтеніе, вполнѣ замѣняющее корсетъ, придающее полной таліи граціозный видъ, не признаваемое интеллигентныхъ и ученыхъ женщинъ, служитъ для избѣжанія разныхъ невріятностей, причиняемыхъ корсетомъ, а въ гигіеническомъ отношеніи оно признано полезнѣйшимъ въ медицинскомъ мірѣ профессорами: Швединштерн, Фишеръ, Лице въ Берлинѣ, Нотнагель, Неубергъ, Пфлюгеръ въ Вѣнѣ, Гессель въ Лондонѣ и знаменитыми медиками въ Варшавѣ, отзывы которыхъ приложены къ каждому антикорсету. Въ ношеніи, антикорсетъ даетъ полное свободное движеніе, не вызывая ни малѣйшаго давленія организма, не пріостанавливаетъ нормальнаго дыханія и кровообращенія и избавляетъ женщинъ отъ женскихъ, нервныхъ и другихъ болѣзней, причиняемыхъ корсетомъ.
По практичности своей, антикорсетъ рекомендуется дамъ страдающимъ, беременнымъ и грудным женщинамъ, хозяйкамъ въ домашнемъ быту, трудящимся въ продолженіе цѣлаго дня въ разныхъ бюро, училищахъ, торговляхъ, путешествующимъ и. т. д.
Антикорсеты изготовляются изъ лучшаго корсетнаго матеріала и питаются уже, съ самою щегольскою отдѣлкою и каждый экземпляръ снабженъ фабричною маркою.
ЦѢНЫ: A. 4 р. B. 5 р. C. 6 р. D. шелк. 8 р.
Детальныя заказы высылаются почтою во всѣ мѣста Россіи наложеннымъ платежомъ, съ причисленіемъ къ почтовымъ расходамъ за 2 фунта.
При заказѣ слѣдуетъ прислать размѣръ объема груди, въ сантиметрахъ, измѣряя подъ мышкою въ полной окружности, а также размѣръ таліи, или прислать мѣрку тесьмой и сообщить хорошенъ чистаго почерка размѣрки, каждый антикорсетъ, по устройству своему, увеличивается или уменьшается на 7 сантиметровъ.
Единственная и исключительная продажа на всю Имперію въ Варшавѣ, у В. Ruéverт
Всякую корреспонденцію прошу адресовать по-русски:
Б. РИКВЕРТУ, въ Варшавѣ.
Для единственной продажи требуются во всѣхъ городахъ опытные торговцы
№ 1214 (6—30).

XIII годъ изданія. Открыта подписка на 1897 г. XIII годъ изданія.
ВОКРУГЪ СВѢТА
на великолѣпный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ
БЕЗПЛАТНО
12 томовъ, иллюстрированныхъ знаменитыхъ художниковъ: Эмонсъ, Бавероуъ, Ноинсонъ, Ру и другихъ, и содержащихъ въ себѣ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Жюля Верна.
Собраніе это будетъ состоять изъ 12 томовъ большого формата, и въ нихъ войдутъ восемь сказочныхъ романовъ, переведенныхъ съ полныхъ французскихъ изданій безъ всякихъ измѣненій и сокращеній:
I. 80,000 верстъ подъ водою 2 т.
II. Дѣти капитана Гранта 3 тома.
III. Таинственный островъ 3 тома.
IV. Воздушный корабль.
V. Зеленый лучъ.
VI. Вокругъ свѣта въ 80 дней.
VII. Вверхъ дномъ.
VIII. Путешеств. къ центру земли.
Кромѣ того подписчики, при полномъ годовомъ, при полномъ 1 р., получатъ 2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ, состоящія изъ 3-хъ художественныхъ картинъ (электрографій).
Картины, размѣромъ 30½ вер. въ длину и 18½ вер. въ ширину, исполнены въ артистическомъ исполненіи Берлинскаго Берлинскаго оригинальныхъ художника Кнаусъ.
1) Южный берегъ Крыма
Оригиналы этихъ картинъ специально выполнены для премій 1897 года.
2) Видъ Днѣпра у Кіева.
Полнисная цѣна на журналъ остается прежняя.
НА ГОДЪ с доставкой 4 р.
Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марту и 1-му іюлю по 1 р.—За премію—при послѣдней книгѣ.
АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Большая ул., д. 7-ва Н. Д. Сытина.
КРОМѢ ТОГО ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.
Журналъ выдается Высочайше утвержденнымъ. 7-ва Н. Д. Сытина.

УПОТРЕБЛЯЙТЕ
„ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ"
паромъ приготовленную американскую овсяную крупу (oat flakes)
содержащую въ себѣ, по показанію химическаго изслѣдованія, большое количество питательныхъ веществъ, и именно:
10,325% влаги.
2,730% азота.=17,062% бѣлковин.-азотистыхъ веществъ.
54,393% крахмала.
7,907% растворим. углеводовъ.=7,502% декстринъ + камеди, 0,405% сахару.
6,363% жира.
1,854% золы.
0,963% фосфорной кислоты (P_2O^5).
Представитель единственный представитель для всей Россіи торговаго дома „Фрэнцеръ-Легретъ" въ Нью-Іоркѣ.
КИРИЛЛОВЪ,
Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковыхъ, телефонъ № 280.
См. Правительственный Вѣстникъ № 214.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. ЦѢНА КОРОБКИ 30 КОПѢЕКЪ.
№ 1357. 2—2.